

ЛУИ - ФЕРДИНАНД СЕЛИН

РИГОДОН

18+

Луи-Фердинанд Селин

Ригодон

Серия «Extra-текст»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11962001
Ригодон: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-138955-0*

Аннотация

Луи-Фердинанд Селин (1894–1961) – классик литературы XX века, писатель с трагической судьбой, имеющий репутацию человеконенавистника, анархиста, циника и крайнего индивидуалиста. Автор скандально знаменитых романов «Путешествие на край ночи» (1932), «Смерть в кредит» (1936) и других, а также не менее скандальных расистских и антисемитских памфлетов. Обвиненный в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями в годы Второй Мировой войны, Селин вынужден был бежать в Германию, а потом – в Данию, где проводит несколько послевоенных лет: сначала в тюрьме, а потом в ссылке...

«Ригодон» (1969) – последняя часть послевоенной трилогии («Из замка в замок» (1957), «Север» (1969)) и одновременно последний роман писателя, увидевший свет только после его смерти. В этом романе в экспрессивной форме, в соответствии с названием, в ритме бурлескного народного танца ригодон,

Селин описывает свои скитания по разрушенной объятай пламенем Германии накануне крушения Третьего Рейха. От Ростка до Ульма и Гамбурга, и дальше в Данию, в поездах, забитых солдатами, пленными и беженцами... «Ригодон» – одна из самых трагических книг мировой литературы, ставшая своеобразным духовным завещанием Селина.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

109

Луи-Фердинанд Селин

Ригодон

Посвящается животным

Louis-Ferdinand Celine
Rigodon

* * *

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard

© Editions GALLIMARD, Paris, 1960

© Маруся Климова, перевод

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Я прекрасно вижу, что Пуле на меня обижен... Робер Пуле¹, приговоренный к смерти... он больше не упоминает ме-

---

¹ Робер Пуле – литературный критик и писатель. После Освобождения был осужден за коллаборационизм. В 50-е годы вел литературную рубрику в правой газете «Ривароль», где был верным защитником Селина, неизменно подчеркивая значимость и важность его романов. В 1958 году опубликовал «Семейные беседы с Л.-Ф. Селином», где перемешаны высказывания Селина, воспоминания и комментарии. После смерти Селина ему была поручена публикация второй ча-

ня в своих статьях... а раньше я был великим... несравненным... теперь же случайное слово, да и то как-то вскользь. Я знаю, откуда это пошло, мы ведь поругались... он вконец достал меня своими разговорами!.. вы уверены, что ваши убеждения никогда не приведут вас к Богу!

– Бля, да точно нет!.. совершенно уверен! я разделяю взгляды Нинон де Ланкло²! добрый Боженька – изобретение попов! я абсолютно антирелигиозен!.. это моя единственная вера!

– Что за авторитет эта ваша Нинон!.. и это все, Селин? гм! гм!

– Нет! нет, Пуле! это еще не все!

– Ах!.. я жду! мне очень интересно!

– Все религии «Иисусика» – будь то католические, протестантские или иудейские – один хрен! мне они все по фигу! распластался ли он на кресте, или его глотают в виде облаток – без разницы! тот же обман! бредни! жульничество!

– Ну и?

– Но и это еще не все! Попробуйте следить за мной, мой дорогой болван.

сти «Guignol's band», которую он озаглавил «Лондонский мост», чтобы избежать путаницы с первой частью. В предисловии, озаглавленном «Мой друг Бардаму», которое он написал в 1970 году для переиздания «Семейных бесед», Робер Пуле оспаривает якобы предпринятую им попытку обращения Селина в веру, о которой Селин пишет ниже.

² Нинон де Ланкло (1616–1705) – французская писательница, близкая по духу к просветителям. (Здесь и далее прим. пер.)

– Валяйте! Валяйте!

– Существует только одна религия: католическая она, протестантская или иудейская... все это филиалы лавочки «Иисусика»... как, они же грызутся, даже порой начинают мочить друг друга?... пустяки!.. кровавые корриды – это так, для зевак! единственная подлинная великая работа, которую они выполняют в глубочайшем согласии... оболванивание и разрушение белой расы.

– Как это, Селин? о чем это вы?

– Смешать, сочетать браком, черт побери! со всеми таинствами! Аминь!

– Что-то я плохо вас понимаю, Селин...

– Да поймите вы, чертов смертник! кровь всех цветных рас является «доминирующей»... желтых, красных, фиолетовых... а кровь белых является «доминируемой»... всегда! дети от ваших замечательных смешанных браков будут желтыми, черными, красными, но только не белыми... белыми они уже не станут никогда!.. фокус-покус! вот вам ваши благословения!

– Но христианская цивилизация!

– Выдумки, Пуле! миф! мошенничество! обман!

– И все же! великое изобретение.

– Скрещивание пород! разрушение идет уже двадцать веков, Пуле! и ничего другого! для этого и выдуманно! изобретено! любое изобретение несет в самом себе с самого своего рождения и свой собственный конец, свою смерть!

– Так что же, церковь убивает, Селин?

– Именно! и вас вместе с собой! она только этим и занимается, эта ваша Церковь! в задницу ее!

– Вы слишком любите парадоксы! Селин! китайцы никогда не были расистами!.. и негры тоже!

– Бросьте вы эту туфту! стоит им заявиться сюда всего на какой-нибудь годик, как они тут всех опустят! шутка ли! белые исчезнут навсегда! как будто этой расы никогда и не существовало... «слабый оттенок на лице», и все! остаться должны только черные и желтые! а белого человека скрещивает сама его религия! религии! иудейская, католическая, протестантская... белый человек обречен! он уже не существует! так можно ли во что-нибудь верить?

– Не смешите меня, Селин...

Больше я Пуле никогда не видел... время от времени я читал его статьи... какие-то слабые намеки... и все... я слегка перегнул палку...

* * *

Дрррринг!.. звонит мсье журналист...

– Мэтр!.. Мэээтр! не будете ли вы так добры прочитать письмо, которое мы вам адресовали?

– Мсье!.. мсье! письма!.. все письма я уже с незапамятных времен отправляю в корзину!.. не читая!.. иначе, что бы со мной было!

- Мэтр, о дражайший мэтр! ваше мнение! всего два слова!
- Но, черт побери, у меня его нет!
- О, есть, мэээтр!
- О чем, черт бы вас побрал?
- О нашей молодой литературе!
- Об этом затхлом старье? ни хрена себе дела, да ее уже давно не существует! какое-то невнятное бормотание!
- Напишите это нам!.. очень... очень почи... та... та! емый! Мэтр!
- Не так быстро! вы могли бы все позаимствовать и у Брюнетьера³! он уже все сказал!
- О, из ваших уст! из ваших! дражайший мэээтр!
- И вы больше не будете меня доставать? больше никогда не придете?
- Клянусь! клянусь! мэээтр!
- Он сказал, что всю литературу сожрут!
- И кто же, мэтр?
- Шарлатаны!
- Напишите нам об этом, мэтр! мэтр!
- Нет уж, дудки! я снова начну писать, только когда у меня опять вырастут зубы!
- А если мы все же к вам придем? мы очень дорожим вашим мнением...
- Не моим! Брюнетьера! мальчики! Брюнетьера!

---

³ Фердинанд Брюнетьер (1849–1906) – директор журнала «Ревю де Де Монд», литературный критик, поборник традиций.

– Ну окажите нам эту честь! мэтр! для нашей газеты! будьте так добры!

– Какой еще газеты?

Как сделать так, чтобы они от меня отстали?

– «Надежда»!

– Никаких надежд больше нет, бедняжки!

– О, какая жалость, напишите нам про это! мэтр! мэтр, молодежь вас не знает!

– Ну, хорошо, ублюдки! пусть заходят, если уж так приспичило, только гуськом, на полусогнутых, и трепеща от почтения! и пусть попрिдержат свой поганый язык...

– Молодежь от вас отвернулась! мээтр! вы недооцениваете Францию, ее замечательные ресурсы, Алжир, Академию, ее членов!

– К черту, я сказал! все! все это! такой страны больше нет, остались одни Распорядители!.. процессий и похорон... сотни языков, куда более мощных, чем наш, уже исчезли! вы хотели бы говорить на хеттском? или на арамейском?

– Ну, тогда тем более, дорогой мэтр, мы к вам придем! ваших слуг мы выгоним, ваших собак уьем, и выпустим вам кишки! вместе с вашими прогнившими отъехавшими мозгами! алло! алло! вы нас слышите? вы все поняли?

– Ну, е-мое! я обалдеваю! жестокое интервью! что ж, я готов! в клетку к диким зверям! римский коллоквиум! я отведу душу!

– О да! о, мэтр!

– Приходите! Приходите быстрее, дорогие ребятки! я задушу вас в объятиях! я вас оттрахаю!..

– Мгам! Мгам!

* * *

Здоровенный толстяк и тщедушный заморыш... вот и они!.. я запираю собак в загоне... чтобы эти двое не пошли потом всюду трепать, будто я натравил на них своих хищников... оба эти молодых человека, толстый и тощий, все покрыты угревой сыпью, не слишком опрятные и холеные, с плохим запахом изо рта... вид упертый, можно даже сказать, угрюмый, из убежденных... неразговорчивые... да мне, собственно, все равно... я их сюда не звал, но они здесь... ну и что дальше?

– Вы из «Надежды»?

– Именно, Селин! нас и наших друзей уже давно интересовало и продолжает интересоваться, действительно ли вы такой гнусный тип, как все говорят... мы пришли вас об этом спросить.

– И кто ваши друзья?

– А, ну прежде всего это гигант мысли Кусто!

– Дерьмецо еще то, особенно во всем, что касается меня!.. и где же этот мудака теперь?

– В «Же сюи парту».

– Так, сотрудник Леска и «Propagandastaffel»⁴.

– Он написал, что немцы регулярно платили вам жалованье, он это так прямо без обвиняков, черным по белому и написал в нашем «Ривароле»! а один «Ривароль» стоит десяти «Юманите»! запомните это! запомнили?.. что вы на это скажете, Селин?

– Не надо так напрягаться, мальчики! если бы я отвечал на все подобные бредни и ерунду в газетенках и в журналах, весь остаток моей жизни ушел бы на это!.. а мне еще нужно закончить свою хронику и оплатить огромные долги!.. жалкие завистники и неудавшиеся депутаты, вроде Кусто, только и могут, что морочить головы таким молокососам, как вы...

Забавно все же, доложу я вам... подобных упертых кретиннов можно встретить и среди правых, и среди левых, и среди центристов... во все времена... один к одному!.. энергичные и злобные ублюдки... подонки, заговорщики из Гизов⁵,

---

⁴ Поль-Антуан Кусто (1906–1958) – правый журналист, редактор «Же сюи парти», редактором которой он стал в 1943 году, после отъезда Робера Бразильяка. Директором там тогда был Шарль Леска. Этот еженедельник был близок к немецкой газете «Propagandastaffel». Весной 1945 года был арестован, приговорен к смерти в ноябре 1946, помилован в В то время, когда Селин писал свои романы, Кусто был членом редакции «Ривароля». В июне-июле 1957 года он начал яростно нападать в этой газете на Селина, которого обвинял в ренегатстве и продажности. Именно это объясняет тот факт, что в трилогии Кусто часто ассоциируется с Сартром, который, хотя и был в противоположном политическом лагере, тоже обвинял Селина в получении денег. Кусто умер от рака 17 декабря 1958 года.

⁵ Гизы – знатная семья из Лотарингии. Франсуа (1519–1563) и Анри (1550–1588) возглавляли католическую партию во Франции во время религиозных

сторонники Шамбора⁶, Смелого⁷!.. самого Дьявола! Этьена Марселя⁸ или Жуановиси⁹... из года в год!.. и в будущем тоже! на фоне сисек и ляжек кинозвезд!

– Селин, мы спрашивали вас по телефону и спрашиваем еще раз: до чего вы способны дойти в своем эгоизме, подлости и трусости?

– О, я способен на многое, дорогие друзья!

– Да, но осторожнее, Селин, у вас остался последний шанс! мы пришли вас предупредить! присоединяйтесь к нам! иначе свершится правосудие! хватит! хватит уже метаний!

– Черт! а я-то думал, что дело уже в шляпе!

войн.

⁶ Имеется в виду Анри де Бурбон герцог де Бордо граф де Шамбор (1820–1883) – сын герцога де Берри, претендент на трон в 1871 году.

⁷ Имеется в виду Карл Смелый (1433–1477) – герцог Бургундский с 1467 года, могущественный и амбициозный принц, он был постоянным и часто счастливым соперником Людовика XI, завоевал герцогство Лотарингию, однако потерпел поражение от швейцарцев и был убит под Нанси.

⁸ Этьен Марсель (1315–1358) – предводитель парижских торговцев, возглавивший бунт столицы против Дофина (будущего Карла V). Был захвачен и убит.

⁹ Селин часто упоминает в своей трилогии это имя. Жуановиси, «господин Жозеф», во время войны сделал себе состояние на спекуляции металлом. Он вел двойную игру, обслуживая одновременно оккупационные власти и Сопротивление. В 1949 г. был приговорен к пяти годам тюрьмы. С 1951 года жил в Манде (Лозере), где сколотил себе новое состояние. Через несколько месяцев после публикации первого романа трилогии «Из замка в замок», в 1957 году, он снова привлек к себе всеобщее внимание тем, что убежал в Израиль, откуда был выслан в январе 1959 года.

– О, пока еще нет!.. наше правосудие! должно все тщательно взвесить!

– Ну и что?

– Так вы еще не читали?.. конечно, вы же ничего не читаете!.. только, наверное, какие-нибудь пакости!

– Пощадите! пощадите! я хочу знать!

– Программа новой волны! в нашей «Надежде»... это послание верховного Ясновидящего! слушайте, несчастный, думайте и запоминайте! «в полном соответствии с ходом Истории, Франция и Германия скоро станут братскими странами»¹⁰.

– Ну, в таком случае, выметайтесь отсюда ко всем чертям! этого я слушать не стану! ублюдки! и чтобы я вас тут больше не видел! вот наглецы! я спускаю собак!

Я иду! те и так уже были готовы их растерзать... и вот я один!.. эти два жутика исчезли! как ветром сдуло...

* * *

Несмотря на то что я действовал стремительно, и мне потребовалось всего несколько минут, чтобы выставить этих шутников за дверь, на следующий день об этом происшествии трезвонили во всех редакциях и кафе. Подумать толь-

---

¹⁰ Франко-немецкое сближение было провозглашено генералом де Голлем в начале его первого президентского срока, и в частности, на его пресс-конференции в марте 1959 г.

ко, этот опустившийся гнусный тип поднимает голову, ага!.. и на что он замахивается!.. поносит нашего властителя дум последними словами! Ко всему прочему, он утверждает, что его ограбили!.. бросили в тюрьму и т. д... и т. п... а он, якобы, был искалечен на войне на 75 процентов из 100... и военной медалью награжден задолго до Петэна.

Черт! меня это все-таки слегка задевает!.. я все перерываю, перетряхиваю, и нахожу... я противопоставлю им текст!.. это лучше, чем стихи!.. быстренько, пресс-конференция, я ее созываю... и зачитываю!.. текст Баржавеля¹¹...

«Для меня во всем двадцатом веке до сегодняшнего дня существует лишь один новатор – это Фердинанд. Скажу больше, единственный писатель. Я надеюсь, что это тебя не обидит. Настолько он выше нас всех. То, что его мучат и преследуют, нормально. Но это все же ужасно, потому что он живой человек, однако он настолько велик, что ты невольно рассматриваешь его как бы вне времени и обстоятельств, которые давят на него. Я убежден, что, чем более велик человек, тем больше он подставляет себя своим мучителям. Спокойствие – удел посредственностей, тех, кто не выделяется в толпе... Селин хотел бы вернуться в Париж или во Францию,

---

¹¹ Рене Баржавель – писатель, друг Селина. Альбер Парас (1899–1957) – аргентинский писатель, друг Селина с 1934 года. Активно защищал Селина в послевоенные годы, в частности в своей книге «Торжество скотов» (1948), где опубликовал многие, адресованные ему письма Селина. Парас был болен туберкулезом и жил на юге Франции. Приводимая ниже цитата взята из письма Рене Баржавеля Альберу Парасу.

и ты делаешь все, что можешь, чтобы ему помочь, но запомни: где бы он ни был, его будут преследовать. Его желание обрести покой в любом другом месте, а не там, где он находится – это лишь мечта. Он не найдет покоя нигде. Его будут травить до самой смерти, куда бы он ни отправился. И он это хорошо знает. Он ничего не может с этим поделать, мы тоже. Мы можем только при каждом удобном случае напоминать всем о его величии, однако, поступая так, мы навлекаем на него удесятеренную ненависть мелких и посредственных кастратов, всех тех, кого начинает корежить от злобы и зависти, как только их заставляют поднять голову и посмотреть на вершины. Имя им Легион».

Я ожидал хотя бы небольшого эффекта... куда там!.. напротив!

– Этот его Баржавель, о ля, ля! такая же гнусь, как и он сам!.. и его тоже в яму!

* * *

Опять дррринг!.. телефон... пожалуй, это уж слишком! Мольера так довели до смерти... Поклэн¹²!.. Поклэн! его маленькая интермедия! Пожалуйста!.. это балет!.. Людовик XIV устраивает большой ужин! сегодня вечером!.. две тысячи приборов! вечером! Вот так Мольера и угробили... нуж-

---

¹² Настоящее имя Мольера – Жан-Батист Поклэн.

но было им ответить: да пошел он подальше!.. запихните его ему знаете куда, вашего Поклэна!.. тише, он ведь умер на сцене, выплевывая остатки легких, от малокровия и неудовлетворенности... я знаю, что меня ждет, я не Мольер, меня уморит голодом Бен Ахилл¹³...

Нет, я протестую, так дело не пойдет... дрринг!.. еще один звонок! Это «Фигаро»! как обычно! и очень кстати... обожаю некрологи... это мой конек! и как это богатым удается так долго и счастливо жить!.. невероятно!.. в собственных замках, призванные Богом! 80... 90... 100 лет! а сколько благословений... их венчают... Большой Крест! и Гроб Господень!.. а какие помпезные похороны... помазанники, помазанницы, Епископ, Префект, Воротилы и сам Дьявол в своем тильбюри¹⁴...

Так что с «Фигаро» я отдыхаю!..

Я ведь зря не подписываюсь... каждый день – пять колонок назидательных смертей... и обратите внимание, за несколько лет... ни одного грязного коллаборациониста, похороненного, как они... с почестями, благословениями... глухо!.. таких жмуриков зарывают в вонючей земле без святой воды и хора детишек... чудовища... Поклэн едва избежал подобной участи... а я... у меня уже все повычеркивали... соскребли с наших плит на Пер-Лашез, папу, маму, меня...

---

¹³ Имеется в виду Гастон Галлимар.

¹⁴ Легкий двухколесный экипаж.

В общем, «Фигаро» – это мое скубиду¹⁵!.. и не только некрологи! еще одна маленькая радость!.. вести из бывших колоний... недавние избиратели набрасываются, обезглавливают и зажаривают задержавшихся там белых... о, да у них и в мыслях нет ничего расистского и антигуманного! в сыром виде с солью!.. в Тимбукту нет свастика! коричневая чума навсегда поселилась в Германии!.. Адольф умер? давайте веселиться! со времен Бисмарка все канцлеры, выдающиеся, посредственные, молодые, старые, архи-старые, тронуты умом... такова уж особенность этой забавной страны! последний у них там совсем гнилой, решил отправиться в крестовый поход¹⁶! Европа охвачена гойскими погромами! десять миллионов убийств на каждом тротуаре!.. каждую ночь! антирасистских!.. я не доживу, так, может, вы увидите? Германия, она все еще видит сон безумца...

Дррррррринг! опять кто-то звонит!.. я что, чокнулся?.. глюки пошли!.. нет! нет! телефон!.. опять! но мне нечего сказать!.. да!..

– Алло! алло! нет, мсье, нам всем кранты! мы уже в космосе!

– В космосе?

– Да, все!.. дайте мне, прошу вас, закончить мою малень-

---

¹⁵ Скубиду – модное словечко конца 50-х из песенки Саши Дистеля.

¹⁶ Возможно, Селин намекает здесь на репарацию, предложенную Израилю канцлером Аденауэром, в частности, на его заявление, сделанное в марте 1960 года в Нью-Йорке израильскому президенту Бен Гуриону.

кую историю!

– А какое название, мсье? о, название?

– Для какой газеты?

– «Источник» про-коммуни-плуто-христианский!

– Bravo!.. bravo!

– А название?

– «Жмурки»¹⁷!

– Для кино?

– Естественно!

– А со звездами как?

– Хоть жопой ешь!

– Развейте, развейте свою мысль, мэээтр!

– Как это можно? кинозвезды, звезды, небо! Дельфы производили богов, Рим поставлял одних святых, а мы, мсье, в наши чудесные времена выдаем по сто кинозвезд в неделю!.. каково?.. с большими сиськами, маленькими, средними... ладно, я подумаю!.. дринг! я вешаю трубку, все! еще звонок... я больше не отвечаю.

* * *

Вот и Рождество!.. я говорю себе: ну наконец-то от меня отстанут! только об этом и мечтают старые хрычи, если они еще не окончательно разваливаются... чтобы их оставили в

---

¹⁷ «Жмурки» – именно так Селин хотел сначала назвать свой роман «Ригодон».

покое... Да здравствует Рождество... не особенно веселое, вам больше некому делать подарки, и к вам не приходят с визитами... свобода! Да здравствует Рождество!.. вы сами тоже уже не получаете подарков! Да здравствует Рождество еще раз! не надо говорить спасибо! Да здравствует Рождество!

Е-мое! Звонят!.. один раз, два, и это не телефон... у решетки! в глубине сада, три раза... конечно, можно притвориться глухим, я же не слуга... гав! гав!.. все собаки начинают! это их любимое занятие... у меня их четыре, маленькая и три больших... они любят пошуметь!.. а этот придурок все звонит! может, нищий? черт! этого только не хватало! я уже достаточно всего наотдавал, меня достаточно обобрали, унесли все, спустили на Блошином рынке, и с молотка! я отдал херову кучу всего!.. за свою жизнь! э, неплохо бы, чтобы мне кое-что вернули!.. некоторым-то ограбленным компенсируют, и немало! а мне – шиш!.. я из тех, что всегда должны!.. гав! упрямец у решетки позвонил уже по меньшей мере раз десять, он развлекает псов... дело плохо, Рождество!.. кроме того, я забыл вам сказать, дождь льет, как из ведра!.. он промокнет, этот хам... о, это его не смущает!.. он названивает, а ведь есть еще и соседи! а вдруг они тоже начнут лаять!.. их можно понять! сколько можно меня терпеть... десять лет!.. двадцать!.. черт! это серьезно! лучше мне туда сходить!.. спуститься к решетке и прогнать наглеца! быстро и решительно!.. я ничего не вижу... ан нет! кое-что... какой-то силуэт в темноте... сквозь пелену...

«А ну, отваливайте отсюда! хулиган! немедленно! хулиган! скотина!» лаю я! вместе с псами! гав!.. и рычу!.. р-рр! готов укусить!.. и нас четверых, можно точно сказать, слышно! р-рр! до самого Отей!.. хорошенькое Рождество! эхо над Сеной, представляете! чудная встреча Нового Года! но этот урод и не собирается уходить! вцепился в звонок и даже пытается со мной заговорить...

– Мсье Селин, я хочу вас видеть!

– Мсье, нельзя же ночью!.. ступайте! и больше не возвращайтесь! а то я спущу на вас собак!

Однако ублюдок упирается!

– Я писал вам двадцать раз! говорил о вас в ста статьях! дорогой писатель! но ни разу вы мне не ответили! и как я вас только не называл, Селин! сволочью!.. продажным!.. порнографом!.. двойным агентом! тройным! ни разу вы мне не ответили!

– Я никогда ничего не читаю, туманный призрак! у меня нет ни малейшего желания, гав! р-рр!

– И все-таки, я до вас докричусь! мой вопль не заглушит лай ваших собак! я прошу у вас прощения! очень прошу! вы меня простите? пощадите меня! пощадите! в Рождество!

Он опускается на колени... и хлоп, прямо в кашу... гав! гав! этого-то я и опасался: скандал! ночь-то она ночь, а все ведь слышно!

– Я преподобный отец Таллуар из Ордена Святейшей Империи! я прошу у вас прощения! я специально для этого при-

шел... я страшно вас оскорбил! ну ради Рождества, Селин!

Он бьет себя в грудь, я слышу соседей... они уже всю возмущаются и орут! я не обращаю внимания.

– На арену, поп!.. ко львам, святоша, гав! р-рр!

Но он упорствует! да! сопротивляется... поднимается с колен... и набрасывается на меня!

– Самого тебя – на арену! самого! чертов извращенец!.. твое место там!

Он уходит по тропинке... хорошо бы он там споткнулся и раскроил себе череп! из-за этого попа, да еще под таким сволочным дождем... я наверняка подцепил себе какую-нибудь заразу! я уверен! не такой уж я и неженка, но результат мне известен... я никогда не выхожу по ночам, я знаю, чем рискую... пусть еще кто-нибудь заговорит со мной о Рождестве, он или кто другой! в сутане или без!.. тоже мне, предводитель волхвов! скатертью дорога!.. мы ведь с ним, можно сказать, так друг друга и не увидели...

* * *

Я ложусь, Лили поднимается к себе на второй этаж... я привожу вам все эти нескромные детали, чтобы вы немного поняли мое положение... я на это надеюсь! я имею в виду этого навязчивого кюре!.. которого я выставил... конечно, он заслужил в сто раз худшее! в тысячу раз! будь он раввин, анабаптист, протестантский пастор, православный, я бы вы-

проводил его точно так же... все сторонники Иисусика для меня на одно лицо!.. их пустяковые размолвки и склоки меня не обманут, все они родом из Библии и сходятся в одном... что мы, белые – лишь материал для скрещивания, нас превращают в черных, желтых, потом в рабов, потом в солдафонов, а потом в груды трупов... да вы это и сами знаете... Библия ведь самая читаемая книга в мире... более скотская, расистская и садистская, чем двадцать веков арен, смесь Византии и Петью¹⁸!.. там столько расизма, трусости, геноцида, избиений побежденных, что наши самые жуткие кукольные представления в сравнении с ней выглядят бледной тенью, жалкими байками для начальной школы... в сравнении с Библией, что Расин, что Софокл кажутся полной туфтой... так, подслащенной водичкой, не более... вдумайтесь, стал бы я еще высовываться, если бы меня не обложили долгами... да я бы сидел себе спокойно, возраст, пенсия и твердые намерения! я бы хотел совершать небольшие прогулочки на костылях и в темных очках... чтобы никто меня не замечал... *немало мы повидали*¹⁹... черт! все ведь сказано!.. особенно моему сутенеру Бен Ахиллу, который публикует в день по двадцать романов... не считая его *Карманного Ревью*... и бюллетеня *Ваша Указка*... *ежемесячника страшилок*

---

¹⁸ Имеется в виду знаменитый серийный убийца доктор Петью, который во время войны заманивал людей к себе, обещая помочь им переправиться в Южную Америку. В своем кабинете на улице Сюер в Париже он их убивал, а останки сжигал в топке своей котельной.

¹⁹ Одна из начальных фраз романа Селина «Север».

для детишек и маразматиков... пожалуй, я уведомяю его об отказе! таково мое намерение!..

Я ложусь и жду... недолго! меня начинает трясти вместе с койкой!.. приступ дрожи!.. второй!.. еще в полном сознании я успеваю сказать себе: готово!.. этот поганый грязный ублюдочный поп добился того, что я заболел!.. я предчувствовал это, когда его слушал!.. и не хотел идти туда!.. я предчувствовал, что у меня начнется приступ бреда!.. когда бредишь, время летит незаметно... но бред – дело деликатное, особенно в присутствии посторонних... вы можете пожалеть о своих словах... а поскольку речь идет о малярии, которая у меня вот уже сорок лет, с Камеруна, вы понимаете, что я не был удивлен... и этот случай под дождем с вымокшим до костей на северном ветру попиком, бредни которого я слушал, имел логическое продолжение!.. но это было еще не все!.. нет!.. нет!.. что-то виднеется в углу... у двери... я уверен, там кто-то сидит... я не буду зажигать свет... шевелиться... может, это просто из-за жара! тот ведь тоже твердил про Рождество... может, просто какая-то горячая идея... или же очередной наглец?.. все возможно!.. ведь звонил же этот поганый поп... может быть, он и вернулся?.. ни в чем нельзя быть уверенным... во всяком случае, там в углу кто-то был... но я туда не пойду... я дрожу и истекаю потом... кто там?.. что там?.. мне-то что!.. рассудок работает, заметьте... я всматриваюсь... так! уже лучше! там кто-то сидит, он зеленоватый... светится, как светлячок... я пра-

вильно сделал, что решил подождать... такие видения длятся недолго... теперь я почти его рассмотрел... это какой-то военный... он что, пришел со мной поговорить? так пусть говорит!.. я жду... а этот зеленоватый... не говорит и не шевелится... сидит себе...

– Ну, так что?.. что?

Спрашиваю я... я весь дрожу... о! он меня пугает!.. черт возьми, да это он!.. я его узнаю... узнаю! этот зеленоватый... весь переливающийся... кажется, это он...

– Водремер!

Зову я его... но он ничего не отвечает... зачем он здесь? тоже из-за Рождества?.. как и поп?.. он что, пролез через решетку?.. сквозь решетку?.. а собаки не лаяли... странные шутки!.. этого Водремера я знал, когда он был врачом с четырьмя нашивками... где это было?.. надеюсь, вы понимаете, что в состоянии, как у меня, в жару, в поту, на трясущейся койке, можно и запомнить... моя забывчивость простигательна... да и он мне совсем не помогает... я повышаю голос... я стараюсь, заметьте...

– Водремер!.. полупрозрачный!.. я настаиваю!.. чего вы от меня хотите?.. вы это?.. да?.. или нет?.. что это за привидение?..

Он не двигается... я не вижу его лица... и тем не менее! это он... мы с ним вместе проводили консультации²⁰... он

---

²⁰ В начале войны Селин поступил врачом на военный корабль «Шелла». В первые же дни 1940 года этот корабль столкнулся ночью в Гибралтаре с англий-

был главным врачом... в каждом бараке его осыпали бра-
нью... все было проникнуто ненавистью... все беженцы жа-
ловались, что им холодно, нечего есть, что их мучит жаж-
да... весь персонал SNCASO поселили в бараках Адриана!
рабочие, преподаватели, инженеры и санитары... это было
ужасно!.. они считали, что во всем виноваты врачи, враги на-
рода, реакционеры... будто мы все это подготовили, своло-
чи, пятая колонна, обжиравшиеся в то время, когда бедные
люди умирали от голода и эпидемий... даже своими так на-
зываемыми лекарствами мы, естественно, пытались их отра-
вить... свидетельством тому было то, что попасть в сортир
стало невозможно (трое детей даже утонули), отхожие места
были настолько переполнены, что, из-за колик и мочеиспус-
каний, все это напоминало коричневое наводнение, и виной
всему были наши так называемые лекарства... общая диарея
затопила все... а чтобы никто не мог бежать, боши в Сен-
Жан д'Анжели специально избрали такую тактику, так рас-
ставили все свои танки, заняли такие позиции, чтобы уто-

ским патрульным судном. Демобилизовавшись, Селин начал практиковать в дис-
пансере в Сартрувиле. Когда немецкие войска заняли Париж, Селин был именно
в Сартрувиле. Как раз там Лили (его жена Люсетт Детуш) едва не попала под об-
стрел немецкого патруля. Этот случай Селин описывает в романе «Север». Селин
и Люсетт выехали из Парижа на машине скорой помощи Сартрувиля. Они добра-
лись до Ля Рошели, где Селин работал в больнице. Он отказался от предложе-
ния уехать в Лондон с машиной скорой помощи, за которую отвечал. Несколько
недель он провел в лагере для беженцев около Сен-Жан-д'Анжели. Об этом сво-
ем пребывании там и о восьмидневном младенце, доставленном целым и невре-
димым в Сартрувиль, Селин и пишет ниже.

пить нас в дерьме, чтобы мы все сдохли, не могли больше двигаться, захлебнулись собственными экскрементами...

Удалось ли кому-нибудь спастись? хотел бы я знать! но мы избежали общей участи, Лили, я и Бебер, благодаря нашей «скорой помощи»... нашей? не совсем! «скорая помощь» была из Сартрувиля, куда я ее и доставил... пробег, о котором никогда не говорят в анналах Истории... «Сена – Ля Рошель»!.. и с каким трудом!.. не только себя и Лили, но еще и бабульку с двумя младенцами! я мог бы бросить их на главной площади в Ля Рошели... вы скажете: выдумки! отнюдь!.. свидетельство тому – малышка, самая маленькая, я еще помню ее имя: Стефани!.. теперь она, должно быть, уже вышла замуж и мать семейства... а тогда ей был месяц, не больше... генерал, который там командовал, французский генерал, настаивал, чтобы мы отправились в Лондон, вместе с нашей колымагой, бабушкой и малышками, естественно, искушение было велико!.. моя судьба могла бы сложиться совсем иначе, каким героем я был бы сейчас! сколько было бы стел и улиц моего имени!

– Мой генерал! нет! я отказываюсь! мне очень жаль, но при всем моем к вам уважении, мой генерал! приказ есть приказ! эти младенцы и их бабушка-алкоголичка должны быть доставлены в Сартрувиль! вместе с колымагой!.. мне приказано все вернуть в Сартрувиль!

– Превосходно! действуйте, доктор!

В общем, в этот зловонный лагерь Адриан я не вернулся...

прощай, Сен-Жан-д'Анжели!.. так я и не узнал, погибли ли они там все под танками... или в потоках поноса...

Больше я никогда не видел Водремера... однако, конечно же, это был он... сидел себе, помалкивал... и весь светился!.. позвать, что ли, его наконец?.. нет!.. не могу... кстати, чуть не забыл!.. я сказал, что с радостью отправился бы в Лондон... вы, наверное, подумали, что он утверждает это под давлением обстоятельств, чтобы примазаться к сопротивленцам... ну уж нет! нет! я стал англофилом, и это всем известно²¹, уже давно... гораздо раньше, чем те, что туда уехали! я вспомнил про этого генерала и его предложение... думая об этом призраке Водремера, сидящем там и светящемся... во всяком случае, чем-то вроде призрака... но я чувствую, что начинаю отходить... о, не то, чтобы совсем!.. но это что-то вроде Водремера угасает... угасает потому, что завыли собаки... у-у-у!.. и вправду, собаки... это не сон!.. я весь в поту, покрыт испариной, и еще сильно дрожу, но это уже конец... у меня приступы вот уже тридцать лет, и я знаю, как они заканчиваются... точно так же, как и наступают... на сей раз из-за этого поганого попа, что держал меня у решетки... не нужно было его слушать... гав!.. гав!.. а это еще кто?.. Лили и собаки... она зажигает свет... все лампы... она не боится...

– Ты с кем-то говорил?

---

²¹ Видимо, Селин намекает на свое пребывание в Англии, описанное им в романах «Смерть в кредит», «Guignol's band», «Лондонский мост».

– Это был Водремер...

Она не спорит... думает, что я еще в бреде...

– Послушай, ты что, ходила к решетке?

Спрашиваю я...

– К тебе кто-то пришел... какой-то полковник...

– Что еще за полковник?

– Камбремус!

– И что он хочет мне сказать?

– Ты в состоянии его принять?

Я очень устал...

– Пусть зайдет! только ненадолго! и проваливает! меня еще трясет!

Он входит, и это именно он, Камбремус, а не какая-нибудь бледная спирохета... краснолицый, полнокровный, я-то знаю, какое у него давление... но ему плевать!.. он слишком увлечен кухней и национальным возрождением, чтобы терять время на такие пустяки, как диета и капли... для него вкусная еда и Франция важнее всего в мире! он не может простить унижение величайшей из наций...

Камбремус, ожидая пока его впустят, слышал все, что я говорил... тем лучше!.. можно не церемониться!

– Селин, мы основали новое движение национального возрождения! мы рассчитываем на вас!

– И напрасно!.. я не собираюсь ничего возродить!.. Европа погибла под Сталинградом... теперь она во власти Дьявола! пусть он ей и занимается!.. этой зачумленной распут-

ницей!

– Селин, вы пораженец! и всегда им были!.. но вы способны внести свой вклад!

– Ну, уж нет, к чертям собачьим, нет! китайцы в Бресте и как можно быстрее!.. это мое самое страстное желание! части желтой армии в морской Префектуре! вот решение всех проблем!.. в пять секунд! эти люди, которые никогда не ели досыта, набьют себе брюхо блинчиками!.. все ваши усилия напрасны, Камбремус!

– Какой вы забавный, Селин!.. сам того не замечая!

Я отдаю приказ...

– Тото, посвисти!.. для полковника! пусть он поучится!..

Мой попугай Тото свистит... он такой послушный, исполнительный и знает только одну эту мелодию!.. «В степях центральной Азии» Бородина...

– Полковник, вот оно, будущее... слушайте То-то и учитесь!.. Лили, отведи-ка их туда! я хочу сказать, в другую комнату, а то мне еще нужно обдумать свою «Хронику»... у меня серьезная работа!.. до прихода китайцев! месяцев так пять-шесть у меня еще есть... может, год... а они пусть репетируют свою «Центральную Азию»!.. вдвоем! они мне мешают... Камбремус и Тото...

– И все же! о нашей программе!.. всего два слова!..

Опять он за свое!.. он меня отвлекает!

– Нет, полковник! нет! я же сказал!.. в этих похоронах я не участвую! этим занимается великий Распорядитель! у него

всюду глаза и уши! так что слушайте Тото! молчите... и учитесь!

И я снова принимаюсь за свою работу...

* * *

Эта бабья болтовня о судьбах человечества никого не интересует... тем, что победнее, вообще на все плевать!.. Вельзевул, китайцы, русские!.. может, еще алжирцы?.. почему бы и нет?.. вот богатым – тем нужно лишь одно... чтобы ничего не менялось!.. а коммунисты?.. е-мое! да скоро все сольются с ними в экстазе! вот увидите!.. супер плутократы, прошедшие через века естественного отбора... однажды они все облачатся в вечерние наряды и соберутся на большую вечеринку... как-нибудь, попомните мое слово, руководители крупных банков совместно с мастерами живописи, звездами эстрады и хлопковыми и цинковыми магнатами проведут мастер-класс в Москве...

В этом-то все и дело!.. побеждает сильнейший! жалкие борцы!.. красные пояса 1900-го... на исторической сцене всегда одни марионетки! карманьола, джаз, бутафорские баррикады... и я устарел, я отдаю себе в этом отчет, ясное дело, ведь я смотрю на вещи реально! скоро сюда явятся афроазиаты, повяжут Ахилла и загонят по дешевке его НРФ²²,

---

²² N.R.F. – Nouvelle Revue Française.

вот так! быстро же я состарился!.. но не будем отвлекаться!.. на чем мы там остановились?

* * *

Наше повествование прервалось в Цорнхофе... я не хочу вас больше сбивать с толку... а тут опять какой-то интервьюер!.. да!.. он явился от Марселя... а также моего коллеги Жендрона... ради пары слов!.. всего пары слов!.. он даже не представился!.. нет!.. ну тогда я сам ему представлюсь!.. я ору со своей кровати, прежде чем он успел открыть рот...

– Незнакомец, знайте, кто я такой! наша эпоха располагает к гигантомании!.. я самый великий писатель в мире! вы с этим согласны?

Он вопит в ответ:

– Превосходно, мэтр! более великих, чем вы, нет!

Существую только я один! остальные шарлатаны и недоумки... гротескные писаки, гнойные тараканы!

– О, вы абсолютно правы, мэтр! всех в костер!.. а пепел развеять по ветру!

Превосходно!.. превосходно!.. но кто же этот скромник?.. пусть покажется!

– О нет! нет! мэтр! ваши произведения!.. у вас же так мало времени!

Какой догадливый тип!.. я и сам предпочитаю его не видеть...

– Приходите попозже! месяца через два!.. или восемь дней!

– Конечно... конечно!..

* * *

Да, но все-таки... как все это устарело!..

– Мы слишком старые!.. наши истории уже ничего не значат!

– Нет!.. нет, Марсель!.. некоторые люди еще ими интересуются!

– Какие люди?

– О, фольклористы!

– Ты думаешь?

– Десять писем в день!

– И ты их читаешь?

– Нет!.. но телефон!

– И как часто?

– Два раза в неделю... ты понимаешь, Марсель, а ты ведь не особенно врубаешься, особенно с тех пор, как заболел, ведь все происходит, как во время наводнений!.. так что следи за мной!.. попытайся! я два раза повторять не стану... когда я был маленьким, совсем маленьким, мы часто ездили в Аблон, зимой и летом... и там, уверяю тебя, я кое-чему научился... всем тонкостям плавания по реке, вдоль берегов и песчаных отмелей... я научился обращаться с кор-

мовым веслом и никого не бояться... научился подниматься вверх по течению, проскальзывать в гавань против сильнейшего течения, с точностью до миллиметра! тютелька в тютельку, просто артистически! можешь мне поверить! ведь стоит хоть на волос отклониться в ту или другую сторону, как поток унесет твой ялик, малыш, и крикнуть не успеешь! все кончено!.. а во время паводка мне вообще не было равных! я лавировал между караванами судов, буксирами, баржами с их усатыми владельцами, которые рулили просто на смерть, а ведь тогда я еще не умел ни читать, ни считать... вдумайся, Марсель, в это и сумей оценить это феноменальное искусство плавания против течения! которым тот, кто говорит с тобой сейчас и уже почти не способен шевелиться, у кого больше нет ни сил, ни желания, овладел еще совсем маленьким, ибо тогда я был известен как чемпион бьефа при подъеме против течения!.. все это тебе кажется скучным и безвкусным!.. и наводнение тоже мало что тебе говорит, ведь ты еще не успел родиться!.. а какой был потоп, Сена вся вспененная, плотины сорваны, берега и липовые деревья – под водой, обширные долины с виллами и домами – тоже... национальная катастрофа!.. и еще много лет спустя все это, включая Кур де Ром, было покрыто толстым слоем грязи... Марсель, ты себе даже не представляешь...

– Ну, раз ты это говоришь... я верю!

– Верь, и я могу тебе это доказать! если не веришь! ведь теперь у нас во всех сферах – одни жалкие торчащие из-под

воды обломки!.. можно сказать, что с 1910 года все только и идет к тому, что скоро мы снова увидим жуткий потоп!.. а все эти обломки, между тем, еле шевелятся...

– Я перестаю тебя понимать, Фердинанд! давай заканчивай! мне пора обедать, уже полдень, и меня ждут...

– Не хами!.. пойми, что потоки, которые сносят все на своем пути, перекрывают навигацию, ломают мосты, смывают города, разносят в щепки буксиры и караваны судов, тем не менее, оставляют нетронутой небольшую кайму берегов!.. так и со столкновением мнений! если ты выступаешь против и находишься в центре, тебя разнесут...

Он не дает мне закончить...

– Ты это уже говорил! уже пять минут первого, меня ждут!

– Это не все!.. слушай и учись, чертов хам! против течения нужно грести вдоль этой каймы, именно там и укрывается по-настоящему искусный перевозчик, чтобы удержать свой челнок! очень осторожно, ты слышишь! о такой тонкой работе ты и представления не имеешь, грубый примитив! соскучившийся по закускам!

– Я тебя понимаю!.. и покидаю!

– Секундочку! еще кое-что! а рукописи Черного моря?.. ты слышал о них?

– Говори быстрее!.. что это еще такое?

– Целая цивилизация исчезла!

– Ну и что?

– Наша тоже исчезнет!

– Ну ты всегда любил пошутить!

– Да, и это мне достаточно дорого стоило! теперь я стал поосмотрительней! я научился предвидеть все, что будет в следующем году, черт побери, и более того, я предвижу все вплоть до 3000-го года!

– А!

– Все, что произойдет! я мог бы даже составить программы! на 3000-й год... все, что будет преподаваться в лицах и школах, какая история и география!

– Значит, ты занялся *предсказаниями*!

– Как Нострадамус!.. ты сам это сказал! но он делал это в аллегорической, расплывчатой, туманной форме, а у меня, ты сам в этом убедишься, все четко, ясно, честно и без шарад...

– Тогда говори быстрее!

Он смотрит на часы... и это меня ужасно злит!

– Ты боишься остаться без редиса?.. без анчоусов? без фирменного паштета шеф-повара? ну и чудовище же ты!

– Нет! но ты задерживаешь меня из-за пустяков!..

– Ах, пустяков!.. я тебя развлекаю, а ты меня оскорбляешь!

– Ну, валяй!

– «Белые люди изобрели атомную бомбу и вскоре после этого они исчезли.» Хочешь, я скажу тебе, как?

Он пожимает плечами... и опускает глаза, жмурясь, как крокодил...

– Это надолго?

– Нет! вот видишь, меньше двух страниц!.. да послушай ты, жалкий тупица!.. несколько тезисов: они исчезли из-за войн, алкоголизма, автомобилей и из-за того, что слишком много ели... некоторые авторы склоняются к мнению, что они погибли из-за фанатичных пристрастий в политике, спорте, семейной и светской жизни, а так же всех своих религий, католической, иудейской, лютеранской, франк-масонской... из-за них прежде всего, будь то Рим или улица Каде²³! кредо-то одно: скрещивание видов! абсолютно одинаковое кредо! ну что, доходит до тебя, болван?

– В общем-то... не особенно!..

– Да это же конец! кровь белых не способна устоять перед скрещиванием!.. они становятся черными и желтыми!.. и это конец! белый – это материал для скрещивания, он обречен на исчезновение! его кровь подавляется! Азенкур, Вердэн, Сталинград, линия Мажино, Алжир – всего лишь жалкие мясорубки!.. для белого мяса! Ну, а теперь можешь идти обедать!

– Ну что, обозвал меня по-всякому и доволен?

– Но ты же тоже хотел, чтобы меня повесили!

– Нет, никогда!

– О, а чтобы меня расстреляли! и еще как!.. проваливай, Тартюф!

---

²³ Видимо, Селин намекает на то, что на улице Каде в Париже живет много выходцев с Ближнего Востока.

Хи!.. хи!.. он криво усмехается! в общем, мы с ним поссорились... наша ссора продолжалась пятнадцать дней... потом он явился, и мы возобновили с ним свои беседы, в определенном возрасте ссоры теряют всякий смысл... ведь если хорошенько вдуматься, то между палачами и жертвами нет особой разницы... один хрен! тсс! тсс! все доведено до автоматизма... просчитано до минуты... так что пусть приходит, отброс!.. скрещенный он... или нет!..

* * *

Я мог бы вас еще немного развлечь, или хотя бы постараться, своими «нострадамусами», желтой армией в Бресте, черной армией на вокзале Монпарнас, капитуляцией Сен-Дени, но так как мне будет уже за семьдесят, когда мое произведение выйдет в свет, то эти факты будут тогда обсасываться всеми обычными газетенками, их уже зафиксируют тысячи ваших журналов... «наши истории больше никого не интересуют», Марсель ведь меня предупредил... так что будем поскромнее!.. кстати, еще и теперь в Нью-Йорке, где-нибудь в окрестностях Бэттери Плейс, на маленьких улочках примерно в пятистах метрах от Таймс Сквера можно встретить незамужних пожилых барышень, что живут в крошечных квартирках и тщательно отделявают свою мебель, вышивают кресла, обвешиваются коврами, обшивают тесьмой, всячески разукрашивают скамеечки для молитвы, и создают

такие забавные кашпо, что за них дали бы приз и на улице Прованс... эти барышни отапливают свои квартиры дровами, которые покупают у торговцев по соседству... в общем, они живут совсем как я здесь, в Медоне, совершенно нечувствительные к новым веяниям и безнадежно отставшие от моды... но это не мешает им жить в свое удовольствие! вокруг полно таких же пожилых девушек... с увлечением занимающихся вышивкой и всегда готовых вам что-нибудь заштопать и связать... Марлен, Морис²⁴, Чаплин, да хоть сам Леший, все они, ясное дело, тоже ветераны курсов кройки и шитья! новый президент? старый? один хрен! стратосфера, жвачка и Пятая Авеню! но всюду торчат вершины небоскребов, и вероятно, даже точно, там тоже живет множество людей... а эти барышни заняты своим кропотливым трудом, им не до них... вдумайтесь! чтобы вышить одну подушечку, нужен год... вот и я стараюсь не болтаться без дела, как ошалевший безмозглый турист! я кропаю свои маленькие рукописи... а сколько мне платит Ахилл?

да почти ничего! какие-то крохи! неважно! тонкая вышивка, хитроумные узоры, стиль, меня интересует только это!.. ценителей, вот, правда маловато, скажете вы, зато какие злобные ненавистники! тем лучше! они, черт бы их побрал, обо мне никогда не забудут! а завистники? эти вообще сумасшедшие!.. только и твердят, что обо мне и о моих страшных откровениях, о том, что французов скоро совсем

---

²⁴ Имеются в виду Марлен Дитрих и Морис Шевалье.

не останется... если бы меня перевели на языки Мали, то этот маленький клочок земли в Азии стерли бы с лица земли! кстати, тамошние жители тоже когда-то были белыми... блондинами, брюнетами, а теперь там одни жуткие негры!.. гримасы Истории!.. но может, меня оценят, когда мои рукописи будут нуждаться в расшифровке, среди прочих, написанных на мертвых языках... наступит наконец-то и мой час!

А пока я, вероятно, заставляю вас скучать, так как я бросил вас в Цорнхофе, в момент, когда Харрас и Reichsbevoll Goring²⁵ хотели нас покинуть... я бросил вас вместе со своими комиксами!.. ну-ка живо, живо, к своим делам... я к вам возвращаюсь!.. сюда, медам, месье!.. еще две тысячи страниц, по меньшей мере! Ахилл-то наверняка ждет, чтобы я окачурился! тогда все перейдет к нему! gratis pro Deo²⁶! естественно, он ведь этим живет! ах, черт бы его побрал! нет уж, пусть становится в очередь и следует за гидом! сейчас вы кое-что увидите... это волшебный фонарь, говорю вам, волшебный! он представляет эпоху и все остальное! как если бы вы сами везде побывали!

* * *

Бергсон как-то написал! наполните деревянную коробку больших размеров очень мелкими металлическими опилка-

---

²⁵ Полномочный представитель Рейха Геринг (нем.)

²⁶ Здесь: Бесплатно с Божьей помощью (лат.)

ми, ударьте по ним кулаком изо всех сил... что вы наблюдаете? вы сделали воронку... в форме вашего кулака!.. это явление можно объяснить двояким образом, в зависимости от двух разных взглядов на мир... если смотреть на мир глазами изумленного муравья, то невольно задашься вопросом, каким же чудесным образом другое насекомое, такой же муравей, как и он сам, смогло удержать столько железных опилок, штучка к штучке, в таком равновесии, в форме воронки... с другой же точки зрения, более просвещенной, как у нас с вами, нет ничего удивительного в том, что от удара кулака осталась воронка²⁷... как хроникер, я стою перед выбором, уподобиться ли мне муравью и тем самым вас сильно позабавить... ползая туда-сюда среди металлических опилок... простое же объяснение удара кулаком позабавит вас куда меньше... так же, как и китайцы в Бресте... церкви тоже все на одно лицо... орудия всеобщего разрушения... иудейская, католическая, лютеранская, tutti frutti! «Лига Скрещиваний»! жить мне осталось не так уж много, так что особо я вас доставать не стану... не буду слишком настаивать, чтобы вы протрезвились... Византия прекрасно продержалась десять веков, надирая мир... всем известны лишь их заговоры, колесницы в два-три ряда и хитрожопость, а потом пришли турки... под занавес... с нами произойдет то же самое? очень

---

²⁷ Селин ссылается здесь на сочинение Бергсона «Творческая эволюция», где тот действительно приводит этот пример с металлическими опилками и погруженным в них кулаком.

может быть! это в лучшем случае... как хроникер Грандиозного Театра Марионеток я могу вам со всеми впечатляющими подробностями продемонстрировать, как полыхают мощные бастионы... судороги и агонии... многим такое и не снилось!

– Б-эээ! Византия! тысяча лет! да пошли вы со своей Византией! в Византии не было средств, которыми, слава Богу, располагаем мы!.. прогресс, мсье! атомный! тысячелетний! ваша тысяча лет – одна минута!.. четверть оборота циклотрона! наука, мсье! вот вам и вся Византия!.. отсталый заторможенный примат! одна минута, мсье, не больше! весь ваш Упадок!

– Отсталый!.. отморозок!

Это еще один умник так на меня наехал... не будем говорить, кто... отвечать ему тоже не стану... хотя я его и знаю...

* * *

– Валяйте, Селин!.. ваши читатели уже устали от ваших злобных выпадов... и от вас тоже! нельзя все время твердить о китайцах в Бресте... это надоедает! а эти ваши скрещающие анти-белые церкви, гм! гм! это уж совсем грубо и не смешно!.. публике нужно другое!.. разве вы этого не знаете?.. «трепанации черепа», красочные вивисекции, роды с тремя щипцами и производящие гениев заводы, спрятанные в Кордильерах, на высоте в 4000 метров...

– Черт! но я же «белокожий», мсье! и для меня это очень важно!

– «Краснокожие» уже исчезли!

– Они слишком злоупотребляли алкоголем, а я пью лишь воду... и потом, у краснокожих имеются «резервации» и свои привилегии... их завоеватели их всегда поддерживали... а завоеватели «белокожих», вроде меня, только и думают, как бы еще посильнее нас опустить! они стремятся нас обобрать до нитки и стереть с лица земли... уже теперь мы представляем интерес разве что для «специалистов по аутолизу», рыщущих по сточным канавам, Фрежюс²⁸ выглядит детской шуткой, в сравнении с тем, что на нас обрушится, какие потоки серной кислоты! герой вестерна Буффало Билл действовал по правилам!.. конечно, он был расистом, но справедливым... сиу тоже был дан шанс!.. галоп! птаф!.. а вот нам в сточной канаве – никаких!.. о нас не будет даже представлений в Шатле²⁹... нас просто с позором вычеркнут, и все... оставят корчиться в навозной куче...

Я никак не могу начать повествование!.. а я ведь обещал, значит, нужно!.. возраст? но завтра я окончательно превращусь в развалину, так что хватит топтаться на месте!

---

²⁸ Селин намекает на катастрофу 2 декабря 1959 года, когда в результате прорыва плотины было затоплено несколько кварталов в городке Фрежюс.

²⁹ Намек на представления Цирка Буффало Билла, на одном из которых в детстве присутствовал Селин, правда, не в районе Шатле, а на ипподроме на площади Клиши.

Ну вот и мы!.. хвала читателю!.. его терпению!.. мы снова там же, где я вас оставил... Харрас только что уехал... необходимо действовать быстро и решительно!.. подписанное разрешение с печатью Reichsbevoll у нас есть, и это главное... все планы, как и прежде, связаны с Данией... переправиться на тот берег, в Нордпорт... необходимо придерживаться какого-то одного маршрута, нам сказали, что это возможно... а там видно будет!.. главное, не медлить... наше разрешение утратит силу через два... три дня...

– Что скажешь, Ля Вига?

Он предпочитает, чтобы все решал я сам... ну тогда так, Ля Вига останется здесь... с Бебером... а мы съездим в Варнемюнде, посмотрим... он нас будет ждать, но не больше двух, трех дней... вдруг железная дорога и вправду еще работает?.. может быть, можно будет уехать?.. или же лучше нелегально? это меня не особо прельщает, Ля Вигу тоже... мы достаточно находились на нелегальном положении... в любом случае, мы хотя бы узнаем, как там, в Дании... может, получше, чем на этом берегу?.. все может быть!..

– Ты охраняй вещи и котяру... и не ходи гулять слишком далеко!

Главное, без фокусов!

– Можешь на меня положиться!.. хотя замок я знаю неплохо

хо!

– Сходишь на ферму напротив!

– О, нет, только не это!.. туда-то я уж точно не пойду!

Его не переубедишь... ладно, мы его оставляем...

– До свиданья, Ля Вига!.. до скорого, Бебер!

Дорогу на Моосбург мы знаем... «разрешение» у нас есть... а между тем... нас никто не проверяет... должно быть, опасаются высовываться... я ковыляю... но довольно быстро... я наловчился пользоваться своими двумя костылями, времени ведь у нас немного... и сразу же на вокзал! приходим... у входа полно людей... и внутри тоже: штатские, военные, крестьяне, рабочие, в общем, как в метро... смешение всех языков... поезда не было уже шесть дней... Берлин-Росток... остается ждать... но нам, я думаю, не привыкать... тут постоим... посидим напротив на улице, на железной скамье... а там, глядишь, и поезд подойдет!.. если, конечно, он вообще придет... а это еще что такое!.. вместо поезда мы видим нечто совсем другое!.. Ля Вигу!.. да, это он! недолго же он задержался в Цорнхофе!.. решил присоединиться к нам, не выдержал... он приближается с сумкой на колесиках.

– Прискакал все-таки! ну-ка, покажи! что это ты там тащишь?

– Вещи!

Я смотрю... куча рубашек, грязных... и пустые мешки для свеклы...

– И стоило это брать?.. а Бебер?..

Он посадил его в свою сумочку через плечо... Бебер говорит «мяу»!.. мы его гладим...

– А хавка у тебя есть?

Он демонстрирует мне свою куртку... там полно butterbrot'ов...

– Ты что, их стащил?

– Да!.. у Кретцеров, их же там нет!

– А сумка на колесиках?

– Тоже у них!.. у них всего полно!

Да он не промах, как я посмотрю...

– Послушай, е-мое, они себе ни в чем не отказывали!.. чего у них только нет!.. представляешь, четыре велосипеда!.. вдумайся!.. а в шкафах!.. вот это жизнь! ладно!.. пускай!

Судя по всему, он уже пробудился ото сна... смотрит на все реально... и вполне доволен...

– Ты останешься на вокзале?

– А ты бы предпочел, чтобы меня там убили?

– Думаешь?

– Да почти уверен!

– И ты будешь нас тут ждать?

– По крайней мере, я тут буду не один, а в компании!.. с народом! тут полно народу!.. и меня никто не заметит!.. вокзалы тем и хороши!.. все кого-то ждут, а я буду ждать вас!.. я и Бебер!

– Ну как хочешь!.. мы недолго!..

– А если задержитесь, то мы уже никогда не увидимся! о, зато в Цорнхоф мы не вернемся!.. будьте уверены!.. никогда!

Ладно, все понятно... но он хочет еще что-то сказать...

– Со мной ведь Бебер! к счастью! ради меня вы бы никогда не вернулись! но послушай!.. послушай!..

Он что-то слышит... и правда! чухх! чухх! поезд... паровоз... еще далеко, но уже полно дыма... чухх!.. должно быть, это тот самый, Берлин-Росток... о нем объявили уже восемь дней назад... а как же билеты? никто ничего не знает... ни касс, ни билетов больше нет, все садятся просто так... говорят, что заплатят позже... но как туда сесть? это пригородный поезд, теперь его уже можно разглядеть... деревянный... пять... шесть вагонов... и как бы это поточнее выразиться, весь взъерошенный, что ли, из-за того, что из всех окон что-то торчит... напоминает взъерошенную гусеницу... все, что торчит, тоже теперь хорошо видно... сотни рук и ног... головы!.. и винтовки!.. я видел переполненные до отказа электрички метро, такие набитые, что вы туда бы и палец не впихнули, но тут, этот поезд настолько был забит и вздыблен из-за ног, рук и голов, что на него невозможно было смотреть без смеха... из-за всего, что торчало у него из окон... но он подходит... пыффф! пыффф! и это еще не все!.. сразу же за локомотивом – платформа, с пушкой и артиллеристами...

– Ля Вига, умоляю тебя! дождись нас! с тобой ведь Бебер! Чухх! чухх! поезд у перрона... он сейчас уйдет... как я и

думал, он полон... и не только руки и ноги... головы, я вам об этом тоже уже сказал... одна... другая... как будто спящие... а вот с широко раскрытыми застывшими глазами... думаю, этот поезд слегка покорежило, и вероятно, с воздуха... там внутри кто-то громко стонал... но кто? да тут не только головы, но и сапоги... ясное дело, солдатня... вместе со штатскими... место найти невозможно... может, попробоваться на тендер, я заметил, он пустой... мы совещаемся... там два фрица, машинисты... я показываю им наше разрешение в Росток... но они должны загрузить здесь тендер шестью тоннами угля... они отсылают нас к другой платформе, в самом хвосте, которую только что прицепили... вроде как с «зенитками»... может, там нас возьмут?... мы рвем когти!.. на этой платформе всего пятеро артиллеристов Luftwaffe, но несколько сотен женщин, детей и военных уже вцепились в края и колеса... и идут на приступ!.. все размахивают своими бумагами с печатями... даже грудные младенцы... среди штурмующих есть такие, что пропустили уже четыре поезда и провели на перроне целый месяц, они уже переломали себе все пальцы... а вагон открыть никто даже и не пытается... настолько он забит ранеными, путешественниками и трупами, которых невозможно оттуда вытащить, слишком уж они спрессованы и перемешаны... артиллеристы на платформе отбиваются... ударами кольев... флах!.. бранг!.. по всем тянущимся рукам... уах!.. а какие вопли!.. у военных удобная позиция для обороны!.. на возвышении! бранг!.. атакующие

молят о пощаде!.. bitte!.. bitte! Luftwaffe hier³⁰! Военно-воздушные силы – это по моей части!.. повязка с красным крестом... силы самообороны Безона³¹... кричу я, демонстрируя им свою повязку и бумагу с печатью... Reichsbevoll... эти скоты не умеют читать!.. нет! все-таки один умеет! da!.. da³²! не отстаю я... он может сам убедиться... я пихаю ему под нос орла... пусть посмотрит... это не обычное разрешение... он обращается ко мне...

– Все трое?.. alle drei?

На этой платформе он за главного...

– Nein!.. nur uns zwei! только мы вдвоем!

Я показываю ему на Лили и себя... он смотрит еще раз... печать, орел, свастика...

– Gut!

Можно залезать!.. он не возражает, только с другой стороны насыпи... там, с другой стороны, уже трое незнакомцев, тоже, наверное, «важные персоны»... так, вверх!.. мы резко влезаем, все впятером!.. теперь отступить поздно!.. мы почти устроились!.. и все благодаря моей инициативе!.. повязке! и печати!.. должно быть тот, что читал, унтер-офицер? я так, во всяком случае, думаю... нашивок-то не видно... он, как и все остальные, весь в саже... ничего удивительного! весь дым летит прямо на них!.. все-таки они согласились нас

---

³⁰ Пожалуйста! Пожалуйста! Здесь военно-воздушные силы! (нем.)

³¹ Селин был врачом диспансера в Безоне с 1940 по 1944 год.

³² Там!.. там! (нем.)

взять... мы пристроились... а вот остальные... bitte! bitte! их по-прежнему колошматят!.. им ни за что не сесть! ни за что!.. ну а тем, что уже в вагонах, тоже, наверное, пришлось лезть: кому в двери, кому через разбитые окна, а кому и протискиваться между колесами... из окон торчат только босые ноги, оно и понятно, обувь с них стащили на предыдущих остановках... а где мертвецы? они-то уж точно не шевелятся... в поезде шесть деревянных вагонов, не считая платформ, последнего класса, естественно... они вообще, наверное, стояли где-нибудь в музее... а их вытащили и поставили на колеса... я спрашиваю, откуда они едут... напрямик из Берлина!.. везут раненных во время последних бомбардировок... эвакуируют!.. эвакуируют!.. кое-кто, конечно, умирает в пути, но тех вытаскивают на каждой станции... правда, вытащить их стоит большого труда... о чем и свидетельствует внешний вид этого нелепого поезда, топорщившегося босыми ногами, головами и окоченевшими руками... да еще застрявшими между стеклами и дверцами винтовками... и все это – в Росток!.. кажется, там есть все необходимое... главным образом, для хирургии... этот поезд уже настолько забит, что больше он нигде останавливаться не будет... теперь прямо в Росток!.. а уж там видно будет!.. хотя лично я в тамошнюю медицину не особенно верю... обычный способ избавиться... отослать подыхать куда-нибудь подальше... вполне в немецком духе... ни санитаров, ни врачей... у меня вот тоже есть повязка, может, я тоже чем могу по-

мочь?.. ach, kein sum! ah! не стоит беспокоиться!.. для этого сержанта, ясное дело, было очевидно, что беспокоиться и вправду не стоило... артиллеристы сломали уже, по меньшей мере, сто рук... и черт побери! черт!.. другие все еще продолжали карабкаться!.. и так на каждой станции... а они их – кольями!.. один вагон уже взяли штурмом и разобрали на части! все выпотрошили!.. обнаружили там целую кучу живых... заваленных трупами в общей свалке... сержант поясняет мне, что этот поезд полон фальшивыми мертвецами, безбилетниками и безбилетницами, которые, пользуясь случаем... решили уехать из Берлина!.. их всех обнаружат в Росток!.. а уж в Росток с ними разберутся!.. пусть так, но почему мы стоим? черт, нужно еще загрузить уголь!.. целый тендер!.. и воду!.. ни начальника вокзала, ни железнодорожников больше нет... машинист делает все сам... что же случилось?.. русские?.. сержант не знает... ему известно только, что больше не работают ни телеграф, ни телефон, ни пункт управления... в городе, кажется, вообще никого не осталось... а русских никто не видел... ну так что? значит, прямо в Росток, без остановок!.. поскольку все вагоны переполнены, и уж точно никого взять больше нельзя, лучше ехать прямо через семь... восемь станций... пронестись, так сказать, на двадцати в час!.. приедем – посмотрим, кто сможет выйти... а с остальными разберемся по обстоятельствам... кажется, там есть санитары и носильщики... если ехать медленно, переводя вручную стрелки, то на это уйдет

часов пять... на большее у нас не хватит угля... снега почти нет, так, какая-то пыль, а ведь уже ноябрь... странная зима... холодно, хотя всего «минус пять»... кажется, может резко похолодать... а вот и машинист подает нам знак... с углем он уже покончил!.. мы тоже готовы! никто больше так и не смог вскарабкаться, кроме тех троих, что влезли вместе с нами... вообще-то, другая платформа, та, что шла сразу за тендером, была меньше задымлена, чем наша... в хвосте поезда всегда больше всего сажи... но о том, чтобы пересаживаться, и речи быть не могло! те, кого столкнули с платформы, все еще плачут, стонут, жалуются... у них еще все впереди!.. они ждут следующего состава... чуххх! чуххх! отправляемся!..

– До свиданья, Ля Вига! никуда не уходи!.. если можно будет проехать, мы вернемся! сразу же!

Он нам не верит и, увидев, что мы уезжаем, плачет... мы тоже плачем... однако я и не думал его обманывать, я абсолютно искренен и реалистичен!.. мы попытаемся найти способ вернуться сюда... но велик ли шанс?.. у животных в этом отношении есть одно преимущество: они сразу же чувствуют, что возможно, а что – нет... а мы мямлим, топчемся на одном месте, сомневаемся, поэтому и пьем... мы проживаем почти семь кошачьих жизней, оно и видно: мы в семь раз тупее, чем они... ну а что касается Ростока и этих вагонов поезда, то, прежде всего, нужно было не ошибиться при переводе стрелок... чтобы не въехать прямо в девственную природу... сержант этого тоже опасался... чухх! чухх! а уж ка-

кой дым... настолько густой, что порой начинает казаться, будто мы в туннеле... однако внимание! мы не имели права ошибаться!.. Росток находился на северо-северо-востоке!.. у сержанта был компас... у меня тоже... сперва он смотрит на свой... при помощи фонарика... а потом на мой... да! да! браво! северо-северо-восток!.. машинист не ошибся... это настоящий чемпион!.. он со всем справляется самостоятельно, и с углем, и с грузом, и с управлением, и со стрелками... он не просит нас спуститься и подтолкнуть, и слава богу... хотя я бы не удивился!.. а сколько всякого дерьма на нас сыпалось!

я уже говорил вам про дым, но были еще и кусочки мелкого непрогоревшего угля!.. он хрустел у нас на зубах... а в воздухе было полно РАФ³³, которые, видимо, не бомбили нас исключительно из презрения... если только не сойдем с рельс, то будем на месте к полуночи... а эти РАФ, если бы захотели, в одно мгновение стерли нас с лица земли... но за все эти вагоны, пушки и локомотив вместе взятые никто не дал бы и ста франков... подобный поезд мог кого-либо заинтересовать только в совершенно особых, экстраординарных обстоятельствах... авось пронесет!.. оставалось только на это надеяться... уже стемнело... артиллеристы, сидя на корточках, сгрудились возле пушки... четверо безбилетников, которые залезли перед нами, держатся особняком, с нами не разговаривают: а мы все едем... чуххх! чуххх... про-

---

³³ Royal Air Forces – Военно-Воздушные Силы Великобритании.

летаем мимо нескольких станций... к счастью, стрелки переведены правильно, поскольку у нас на компасе все то же... северо-северо-восток... а сколько сажи на нас летит! можно подумать, они делают это нарочно... прошло уже четыре часа, как мы болтаемся... из стороны в сторону!.. бранг!.. конечно, здесь много путей разрушено... их восстановили!.. а!.. сержант указывает мне куда-то вдаль... там впереди слева... горит красный свет... придется ждать... мы замедляем ход... я спрашиваю у него, где это мы... уже в Ростоке?.. нет!.. просто остановка!.. сейчас откроем вагоны, всех вытащим, он просит меня помочь... ну конечно!.. Лили тоже согласна!.. и те трое, что все молчат, тоже!.. о, да тут уже полно народу!.. прямо в поле... с чего это они решили остановиться именно здесь... может, нам кто-то просигналил?.. я спрашиваю у сержанта... да конечно же!.. вы что, его не заметили?.. да я никого не заметил... этот тип подходит к нашей платформе... я наклоняюсь вниз...

– Доктор Эрберт Хаупт!

Представляется он... в темноте это не очень удобно... он повторяет...

– Oberarzt Haupt!.. из Ростока!..

Он главный врач в Ростоке... наверное, мы уже близко... однако в поле... к тому же ночью... совсем не жарко... правда, нельзя сказать, что стоит сильный мороз, но все же... теперь моя очередь!.. я показываю ему свою бумагу, с подписями и печатью bevoll... он светит на нее фонариком... этот

фонарик может светиться как красным... так и белым светом... такие фонарики бывают у железнодорожников... зачем мы здесь остановились в крошечной темноте?.. я его не вижу, но чувствую, что он куда-то показывает... я понимаю его немецкий...

– Этот поезд сейчас освободят от людей...

– Wo?.. где?

Спрашиваю я... с ним бригада?.. люди, которые будут этим заниматься?.. прямо здесь, в поле?.. санитары?.. непонятно!..

– Завтра разберемся!

Он тут же уточняет...

– Завтра!.. или послезавтра!.. мы во всем разберемся!.. кто из них шевелится!.. а кто уже мертв!..

Вот! все просто!.. наша помощь ему не требуется...

– Ach! nein!.. nein!

Сейчас он проводит нас в отель... ладно!.. как ему угодно!.. вперед! прощайте, четыре артиллериста и наши три попутчика... вот мы и на насыпи... идем за Оберартцом! он знает дорогу!.. идет вперед быстрым шагом... я с трудом за ним поспеваю... кажется, этот отель не так уж далеко... мы проходим мимо железнодорожных стрелок, мимо какого-то длинного барака... вокруг темно, не видно ни одного стрелочника... наверное, уже ушли... да нам-то что до этого!.. а вот уже и улица!.. железнодорожные пути кончились...

– Вот ваш отель!

Действительно, это совсем рядом... настоящий отель... разрушений нет... по крайней мере, не видно... конечно, Ростовок тоже пострадал, но позже... я смотрю на часы... уже два часа ночи... продолжает падать снежок, снежная пыль... я вспоминаю всех этих людей, что были в поезде... они собираются извлечь все тела из вагонов... нам бы это вряд ли удалось... откуда ехали все эти люди?... скорее всего, эвакуировались из Берлина... но сколько их?... неизвестно... кажется, те, кому поручено освободить вагоны, поделены на мужские и женские бригады... порой вы оказываетесь в настолько скотских условиях, что уже перестаете обращать внимание на то, мужчины перед вами или женщины... а уж о тех, кого мы там видели, облаченных в лохмотья и поделенных на группы, я и не говорю... вот сейчас мы наконец-то увидим физиономию этого Оберартца Хаупта... здесь есть лампочка... одна на весь холл...

Мужчина примерно моих лет, но очень самоуверенный... не особенно приветливый... на нем форма цвета хаки... золотые нашивки, сапоги, повязка со свастикой... он на нас даже не смотрит...

– Papier!

Ему опять нужны наши бумаги... пожалуйста!.. куда мы собираемся ехать? спрашивает он...

– Wo wollen sie?

– В Варнемюнде!

Ладно!.. он не возражает!.. но нам придется подождать...

ему нужно предупредить Варнемюнде...

– На сколько дней?..

– На один день!

– Gut! хорошо!.. завтра утром!.. приходите в мэрию!..

Stadthaus!

Он хочет видеть нас завтра... конечно! мы будем там, в этой мэрии!.. он уходит, оставляет нас... надеюсь, он забронировал для нас номер... судя по всему, этот отель не такой раздолбанный и полуразвалившийся, как «Зенит» в Берлине... но здесь тоже никого не видно... только за кассой сидит пожилая женщина, кажется, на ней парик... она просит нас заполнить карточки... с совершенно безразличным видом... «доброй ночи!»... коллега Хаупт уходит... абсолютно ничего не значащие слова: доброй ночи!.. тюремный надзиратель, поворачивая за вами ключ на два оборота, тоже всегда желает вам доброй ночи!.. god nat³⁴! дама-кассир ведет нас на третий этаж... там наша комната... две очень жесткие кровати и одно тоненькое одеяло... но все-таки жаловаться не стоит... ведь сержант собирался отправить нас на разгрузку вагонов... вид у этого Хаупта не особенно приветливый, но в то же время не такой уж и злобный, нельзя сказать, что это законченный антифранцозе... завтра в десять часов мы опять с ним встретимся!.. я говорю Лили: «лучше нам лечь прямо так!..» я имею в виду, в одежде... по-прежнему слы-

---

³⁴ Доброй ночи! (*датск.*). Селин намекает здесь на свое пребывание в тюрьме Вестерфангсель в Копенгагене.

шен вой сирен... очень далеко... но они вполне могли и приблизиться!.. через пару минут!.. нам известно, как это бывает... в полусне я вспоминаю Бебера... и Ля Вигу... чем они сейчас занимаются?.. Лили отвечает мне... сквозь сон... я продолжаю дремать... о, я вовсе не сплю!.. в случае тревоги мы должны быть наготове!.. тем более, здесь, в незнакомом месте... интересно, сильно ли разрушен Росток? завтра мы увидим...

– Тук! тук!

В дверь... кто-то... очень тихо стучит... я правильно сделал, что остался одетым... я приоткрываю дверь...

– Извините меня, дорогой коллега!.. в такое время!.. но лучше мне вам рассказать, предупредить! возможно, завтра меня уже здесь не будет... заранее ничего не известно...

Этот дорогой коллега говорит шепотом... у него акцент... но не как у фрицев... откуда он вообще взялся?

Сейчас я все у него выясню...

– Подождите, у меня есть свеча!

Это правда... у меня их даже несколько... и спички... я чиркаю... вот!.. теперь этот незнакомец может войти...

– Прошу меня извинить!.. мы просто прилегли, вот и все!.. как бы тревоги не было!..

Он меня просвещает...

– За все время, что я здесь, было всего две тревоги...

А он здесь уже шесть месяцев...

– А бомбят часто?

– Нет!.. было всего три!.. или четыре бомбежки!.. но все еще впереди!.. я не представился!.. извините меня!.. Просейдон... грек, врач из Университета в Монпелье!.. Просейдон!

– Очень приятно, дорогой коллега!

– Моя жена тоже врач!.. из Монпелье!.. я не знаю, где она сейчас... должно быть, пытается меня найти... мы бежали из России... я через Польшу... а она через румынскую границу...

И он рассказывает нам, что они с женой находились в Советском Союзе по политическим мотивам... но не сошлись с Советами... и это продолжалось не один день! они жили и работали у них!.. десять лет!.. но в партию так и не вступили!.. они отказались... просто работали в больницах...

– Я же патолог, а моя жена мне помогала... в общем, мы лабораторные врачи... они определили меня заниматься проказой... я объехал все их республики... в Монголии очень много проказы... пять с половиной лет мы проработали в Монголии... целый год сражались с чумой в Арабиджане... они требовали, чтобы мы вступили в партию... я был против... ведь у них тоже далеко не все в партии... восемь человек из ста... восемь на сто... всего-навсего... нам пришлось бежать... и все-таки, будущее за ними... они покорят всю Европу... всю Азию... уверяю вас...

Я слушаю его... он говорит тихим голосом... стоя навзятяжку...

Теперь я к нему обращаюсь:

– Неужели? ну а здесь как обстоят дела, дорогой коллега?

– Здесь они все сумасшедшие! такие же сумасшедшие, как и в Советах, но Советы гораздо сильнее, гораздо больше... они могут себе это позволить... а эти здесь им во всем уступают: раса, почва, кровь, их интересуют только собственные семьи... деревенский снобизм... а Советам это не нужно... они собираются подчинить себе все, и так оно и будет.

Но все-таки... время еще есть...

– Если только Гитлер не продержится еще один... или два года!.. но я в это не верю... он теряет слишком много людей!..

– И что с того?

– Да ничего!.. я просто хотел вас предупредить... вы не возражаете?

– Очень вам признателен, коллега!

– Чтобы вы поняли, куда попали...

Возможно, он знает, в чем тут дело... почему нас высадили прямо в поле? к тому же среди ночи?..

– Он что, вам не объяснил? это же ницшеанская методика... Оберартц Хаупт ницшеанец... естественный отбор!.. сильные все равно выживают! холод, снег, нагота только сделают их сильнее... особенно раненных!.. а слабые умрут, и их похоронят... методика Оберартца Хаупта заключается в том, чтобы вытащить всех из вагонов, сложить тела на лугу... прямо так... их оставляют там... на два... три дня... на холоде, в снегу, совсем голых... те, кто еще в состоянии

встать, пытаются это сделать... их сразу заметишь, даже од-
ноногих... они идут в восточном направлении... тогда про-
изводится сортировка!.. одних отправляют в больницу, в хи-
рургическое отделение... а других оставляют на земляные
работы... рыть ямы... для мертвых, для тех, кто не двигает-
ся уже два... три дня...

Просейдон выполнял там обязанности врача... на лугу и
у ям...

– Может, они вас тоже туда направят?

Ясно, что при таком избытке рабочей силы, я ведь видел,
сколько там, у вагонов, людей в лохмотьях... этот метод был
далеко не плох... но меня-то интересует Дания! а не ницше-
анский отбор... у меня есть определенная цель... пусть он
побольше расскажет мне про Хаупта, про его мании... и в
частности о том, имеем ли мы право отправиться к морю?

– К морю?.. всего один раз!.. на двенадцать часов... толь-
ко на двенадцать часов... больше разрешить он не вправе!
Варнемюнде ему не подчиняется... все в Варнемюнде подчи-
няется Адмиралтейству... пляж, защитные сооружения, бе-
рег...

Он продолжает объяснять мне, что берлинскому руковод-
ству нужно было освободить больницы... любым способом!..
отправить всех в Ганновер... в Висбаден... в Росток... в
Любек... несмотря на то, что повсюду было примерно одно
и то же!.. ни одной кровати!.. и нигде уже не могли нико-
го брать... кстати, один интересный факт! недавно сюда из

Берлина прислали прокаженных... Комитет Красного Креста собрал двенадцать человек... они там бродили по развалинам... должно быть, бежали с востока... их направили сюда, в Росток... к Просейдону, он же специалист... прислали еще и двенадцать ампул хаульмугрового масла³⁵... и больше ничего... в здешней больнице от этих прокаженных отказались!.. оставалось только одно, присоединить их к остальным, к тем, что работали на лугу... отправить их разгружать вагоны и рыть ямы... и все устроилось самым лучшим образом... никто не замечал, что они прокаженные, о прокаже все забыли... Оберартца Хаупта это не интересовало... главное, чтобы все вагоны были пустыми, а мертвецы – глубоко зарыты!.. его интересовал только Ницше... мне тоже нужно было подготовиться к разным вопросам... он составит обо мне мнение в соответствии с Ницше... кстати, хоть Просейдон был очень осторожен, он все-таки дал маху... он сказал ему, что, по его мнению, Ницше – это всего лишь романтик... ему нравилось со всеми спорить, нести всякий бред, эпатировать... с тех пор они друг с другом почти не разговаривали...

– Прошу прощения, мадам!.. я заболтался!.. простите мою навязчивость!.. я мог бы говорить целую ночь!.. знаете, ведь там я десять лет ни с кем не говорил... десять лет!.. ни с коллегами, ни с больными...

– Ладно, ничего страшного! мы вами восхищаемся!

---

³⁵ Хаульмугровое масло раньше использовалось как лекарство от проказы.

– Пора спать!.. у нас еще есть время...

Он смотрит на часы...

– Уже три часа!.. я убегаю!.. простите еще раз!..

Этот коллега весьма предупредителен... не сомневаюсь, что очень скромен... наверняка, живет на черном хлебе и почти не видит масла... я думаю о нем... больше заняться нечем, я лежу в одежде... а профиль у него действительно греческий!.. конечно, у него есть и другие достоинства, но они не так бросаются в глаза... они не так совершенны... а вот если сравнить с моей здоровенной физиономией... все это кажется мне ужасно смешным...

– Что с тобой?

– Я думаю, ну у меня и рожа!

– Уж лучше бы ты поспал!

Легко сказать, поспал!.. я должен бодрствовать... да еще и с востока доносится уханье... беспрерывно... все время слышны слабые отзвуки... мы увидим рассвет в окошке... а который теперь час?.. фонарик... на свои часы... недавно было четыре часа... потом пять... в полусне... а сейчас уже шесть часов... семь часов, подъем!.. неплохо бы найти воду, чтобы сполоснуть рожи... а может быть, даже и кофе? Пройдись уже перед нашей дверью... жует кусок черного хлеба, мне кажется, еще вчерашний... мы здороваемся, он интересуется, как я спал... «великолепно, коллега!»... он уже предупредил меня, что обслуги никакой не осталось... поваров тоже... вот уже месяц, как все ушли... абсолютно все,

и неизвестно куда!.. ясно, что кофе нет!.. даже эрзаца... он живет на черном хлебе... на карточки... он питается только этим... но все-таки он хотя бы знает, где взять карточки!.. а мне они разве нужны?.. еще бы!.. он тут же приносит нам все, что нужно! целую буханку солдатского хлеба и кувшин воды... но я ведь должен идти к Оберартцу, поэтому мне бы не помешало немного теплой воды, чтобы сполоснуться... там, на платформе, была такая липкая сажа, ее холодной водой не отмоешь... сейчас коллега принесет нам теплой воды!.. он обещал... из больницы! подождем... мы его ждем!.. он ненадолго... вот и теплая вода... смываем грязь... а теперь пора идти!.. это рядом!.. ну да, я вижу! ничего себе! что тут творится! уже на лестнице!.. Оберартц Хаупт, конечно же, убежденный ницшеанец, но здесь давно никто не убирал!.. в коридорах тоже!.. всюду валяются повязки... здесь не подметали уже много месяцев... лейкопластырь, корпия, бинты... судя по всему, ему не хватает рабочих рук! а где же хирургия, я что-то не вижу... грек мне говорил, что он многих увольняет!.. интересно, каким же образом он управляет-ся?.. а где же он сам?.. где его кабинет? поищем... а, вот какая-то пожилая пациентка!.. спускается со ступеньки на ступеньку... сгорбленная... «выше! выше!» говорит она мне... поднимаюсь еще выше... вижу дверь... на ней ничего не написано, только красный крест... может, это здесь?.. стучу... мне отвечают... но не открывают...

– Что вам нужно?

Кажется, это его голос...

– Разрешение отправиться в Варнемюнде!

Да, это он, Оберартц...

– Можете отправляться! не нужно никакого разрешения... они в курсе!..

А как же билет?.. билет не нужен, все бесплатно!.. заплатим потом!.. и вокзала для пассажиров тоже нет... только грузовой!.. скоро прибудет поезд, который перевозит рыбу... они называют его «рыбным поездом»... мы поедем на нем и на нем же вернемся... нам разрешено находиться в Варнемюнде только то время, что они указали... не больше двух часов!.. но мы ведь не собираемся совершать экскурсии! мы просто хотим увидеть море!

– Warten sie!³⁶

Я должен слушать его через дверь...

– Сходите за своими вещами!.. в отеле вы больше не живете!.. никакого отеля!.. не положено!.. хватит с вас отелей!.. заводы тоже закрыты!.. даже Хенкель³⁷!.. это приказ из Берлина!.. вернетесь обратно прямым поездом Варнемюнде-Берлин!.. Просейдон тоже в курсе, вы вместе с ним и с его пациентами поедете в Берлин!.. он дождетя вас... вы меня поняли?..

– Да! Да! мы пошли!

Хватит разговоров... не стоит с ним спорить... кажется,

---

³⁶ Подождите! (нем.)

³⁷ Речь идет об известном авиационном заводе.

этот чудак Хаупт нас на дух не выносит... в отель!.. а вот и он!.. я обнаружил вывеску... когда мы прибыли, я ее не заметил... «Отель Феникс»... так тут даже и платить не нужно?.. судя по всему, нет... именно так и завершаются все режимы! полный Хаос, и все бесплатно... как в Виши, так в Берлине и Зигмарингене... скоро увидим, кто следующий... Лондон?.. Прага?.. Москва?.. посмотрим... но чего они так боятся?.. высадки англичан?.. или русских?.. спросим в Варнемюнде... скорей в нашу комнату! наш узелок с вещами!.. Просейдон ждет в коридоре... все верно, он получил приказ... я спрашиваю у него... неужели они эвакуируют всех из Ростока?.. он не в курсе... хотя вполне возможно... все равно он будет ждать нашего возвращения... вместе со своими прокаженными... мы все поедем в одном купе... до Моосбурга... а потом они пересядут на другую линию... до Штеттина!.. да, кстати! кстати! ведь там наши дамы³⁸!.. хотя, может, они уже гораздо дальше?.. если еще когда-нибудь увижу Харраса, этого проклятого шута!.. обязательно у него поинтересуюсь!.. по мнению Просейдона, именно в Штеттине у них выстроен лепрозорий... но он не уверен...

– Вас ждет великое будущее, Просейдон!

Во всяком случае, мы точно знаем, у нас есть два часа, чтобы посмотреть на море... а потом назад...

– До свиданья!.. до свиданья!

---

³⁸ Селин имеет в виду героинь романа «Север»: графиню, Изис, Силли, Кретпершу, которые в конце повествования отправились на телеге в Штеттин.

У дверей отеля стоят два солдата, кажется, они ждут нас... пришли, чтобы нас арестовать?... мы проходим мимо... они идут за нами... в десяти...

пятнадцати шагах... мы медленно идем вперед по насыпи... солдаты от нас не отстают... держатся на том же расстоянии... здесь на тропинке довольно много идущего куда-то народу... странно, на улицах Ростока никого, а тут вдруг люди! штатские, военные... на каком языке они говорят?... я интересуюсь... на датском и венгерском!..

– Скоро в Ростокe никого не останется!..

Это сообщил мне через дверь тот придурок... кстати, он ни словом не обмолвился о своем Ницше... он хотел только одного: чтобы мы поскорее свалили!.. ладно!.. но мы все-таки увидим эту Балтику!.. и порт... у нас есть два часа... все эти люди собираются сесть на корабль... да я и сам вижу!.. вижу корабль... чуть дальше... в Ростокe же есть порт, я забыл... небольшой порт... насыпь переходит в причал... вперед!.. уверен, все эти люди сейчас поднимутся на борт... подходим ближе... небольшое грузовое судно... на его борту во всю высоту очень большими белыми буквами написано: Дания... ошибиться невозможно... два солдата, что следуют за нами, подходят и показывают нам жестами: не сюда!.. туда!.. дальше! я вижу, как все эти люди, венгры, датчане, друг за другом поднимаются по трапу... а мы идем дальше, мимо судна... это судно без названия, у него только номер: 149... а море, пляж? дальше!.. дальше! да, это здесь... канал расши-

рется... еще какое-то подобие порта... это порт для парусников и рыбацких одномачтовых яхт... и тут люди!.. полные причалы... наверное, это и есть Варнемюнде?.. ни песка, ни гальки... все усыпано мелкими черными и белыми камешками... неплохо, в общем-то... хотя и есть в этом что-то кладбищенское... очень много домиков... весь пляж застроен... домики в барочном стиле... так называемом стиле «немецкой легкости»... всех цветов... особенно много малиновых и фисташковых... и ни одного купальщика, все ставни закрыты... модный пляж Варнемюнде... но сейчас явно неподходящее время!.. мы ни с кем не говорим... к нам никто не подходит... должно быть, думают, что эту пару куда-то ведут два солдата... на Балтике хорошая погода держится не больше пятнадцати дней в году, такой уж тут климат... а там, чуть дальше, где грузили рыбу, уже готов поезд на Берлин... мы можем взглянуть!.. два купе уже зарезервированы... судя по всему, для нас?.. хватит с нас пляжа! мы уже все осмотрели!.. занимаем места! вместе с солдатом, который постарше... отдохнем немного... молодой тоже располагается рядом... ни тот, ни другой ни о чем с нами не говорят... мы просто сидим и наблюдаем за происходящим, за поднимающимися на борт людьми... смотри-ка, пускают не всех!.. там не меньше десяти полицаев в форме... они проверяют бумаги... одну печать поставят, затем другую! и еще о чем-то расспрашивают... особенно цепляются к венгерским военным в красных пилотках... одним словом, дохлый номер!.. в Данию так

просто не попадешь!.. а о нас и говорить нечего! у нас ведь еще и сопровождение есть... интересно, кто это такие? СС?.. СА?.. я не вижу у них никаких нашивок... никаких знаков отличия... при случае надо будет у них спросить... а пока полюбуемся пляжем!.. раз уж мы сюда притащились... на море штиль... серая поверхность... небо, небольшие буруны, вода... и так до самого горизонта и дальше... в Цорнхофе мы тоже все время видели равнину, которая казалась бескрайней... так значит, это судно «149» отправляется туда, за пределы неба и моря... так что шанс у нас есть... на море ничего не видно, ни одной лодки... наверное, им разрешается рыбачить только в определенные часы?.. может, только по ночам?.. и этот пляж считается элитарным, самым ультра-шикарным местом в северной Германии... никогда бы не подумал... просто невероятно, до чего тоскливыми становятся все эти места увеселений, казино, пляжи с домиками, как только грянет какая-нибудь беда, и отовсюду начинают поступать телеграммы с дурными вестями... ну а мы что, так и будем сидеть, уставившись на небо и парящих там чаек, в ожидании неизвестно чего?.. тем временем все новые и новые чайки продолжают одна за другой пикировать на сетки и корзины... сложенные на палубе судна... испускающая истошные крики! на весь пляж!.. без умолку... нет уж, мы туда не пойдём!.. мы останемся в купе... со своими часовыми... одному примерно лет пятнадцать... а другой гораздо старше... вот старший отдает приказ... молодой вскаки-

вает!.. и бежит через пляж... заходит в какой-то домишко... мы ждем... он возвращается с двумя котелками... и литровой бутылкой... быстро же он... решили о нас позаботиться... это горячая пища... два котелка с рисом и рыбой... и литр воды... конечно, мы уже ко всему привыкли, но, все-таки, уже целых три дня мы сидели на голодном пайке, а если бы не Просейдон, у нас бы и вовсе крошки во рту не было... мы воздаем котелкам должное... молодой интересуется, вкусно ли... «еще как! ja! ja! danke! спасибо!..» в общем, это чем-то напоминает матлот³⁹... да еще и с маслом!.. роскошь!.. вот так сюрприз! ну вот, теперь мы чувствуем себя лучше, можно и пейзажем полюбоваться... он того стоит... судно уже отходит... судя по всему... да!.. даже не гудит... только винты работают... но совсем тихо... теперь хорошо виден его планшир... во всю вышину... и надпись огромными белыми буквами: «Дания»... не исключено, что на них уже нацелены торпеды... «доброго пути!»... я машу рукой, прощаюсь с ними через дверцу... никто мне не отвечает... я никого не вижу... естественно, их же проинструктировали... и вот, наконец «149» входит в фарватер... о, вокруг все тихо... море... судно удаляется... море очень спокойное и совершенно серое... ну вот, мы и увидели все, что хотели... наши два солдата жестами показывают, что нужно вернуть котелки и пустую бутылку... тот, что помоложе, все забирает... относит в хижину... а дальше, на путях, как я ви-

---

³⁹ Рыбное блюдо под винным соусом.

жу, «рыбный поезд» уже загрузили... наш вагон толкают к нему и цепляют... вокруг суетятся рыбаки... молодой солдатик возвращается, все еще жуя на ходу, и садится с нами... они не особенно разговорчивы, что один, что другой... и в самом деле, ни слова не проронили... наконец поезд на Берлин готов к отправлению... напрямиком на Берлин... правда нам еще придется забрать в Росток нашего коллегу... вместе с его пациентами... по моим наблюдениям, на погрузке всегда работают одни женщины, именно они и грузили вагоны, таскали корзины за корзинами... на песчаных карьерах тоже они вкалывают, будь то в Фекампе или на Мальме... а ремесло человека полностью определяет его бытие... возьмите, к примеру, какого-нибудь komissar'a или депутата, эти без трепотни – все равно, что торговка дарами моря без корзины... в праздном состоянии они все превращаются в обычных людей, от которых не знаешь, чего ждать... интересно, что здесь никто даже не пытается с нами заговорить, узнать, кто мы такие... думаю, все просто опасаются людей, которых сопровождают конвоиры! чухх! чухх! вот и локомотив!.. в этом составе нет ни платформ с оружием... ни артиллеристов... только наши два конвоира... поехали... чухх! чухх! о, да это совсем рядом... Росток!.. поезд останавливается... Просейдон уже ждет нас... н не один, с ним его пациенты... я справляюсь у него... да! это именно они!.. он собрал всех, только одного не хватает... он даже забрал наши вещи из отеля Феникс... это совсем не тяжело, неболь-

шая сумка... две рубашки, два полотенца, мыло... теперь в Моосбург!.. сто километров!.. мы больше не увидим этого ярого нищепанца... Оберартца!.. а я, можно сказать, вообще его ни разу не видел, только слышал... и даже через дверь он был со мной не особенно любезен... и неспроста, должно быть!.. мы едем в совершенно других условиях, чем сюда... все вместе... Просейдон со своими прокаженными в соседнем купе... ему нельзя их оставлять... нас разделяет только одна дверь... я вижу их всех, не такие уж они и жуткие, люди без возраста, или, я бы даже сказал, вне возраста... покрытые язвами и закутанные, большинство замотано бинтами... кажется, в основном мужчины... мы едем... и действительно, этот поезд нигде не останавливается... правда, идет он не слишком быстро... прокаженные вытирают себе нос и глаза... своими лохмотьями... уже по одному этому можно легко поставить им диагноз... из носа и глаз у них сочится кровь... должно быть, на земляных работах они оказались не особенно полезны... теперь их решили перевезти в другое место... в лепрозорий?.. или еще куда?.. мы продолжаем свой путь... самолеты нами не интересуются... хоть они и снуют тут повсюду, пикируют, делают петли... должно быть, они все в курсе, что это рыбный поезд, который проходит всегда в одно и то же время и безо всякого оружия... возможно, даже существует специальная договоренность насчет этого поезда с дарами моря... вот мы в Моосбурге ни разу не видели рыбы... всегда и всюду власть имущие объединя-

ются, чтобы доставить друг другу удовольствие... вот увидите, когда нагрянет следующая война, атомная, они будут доставлять друг другу корзины клубники из Финистера в Крыжополь, и не как-нибудь, а уже посредством ракет... шучу, конечно, но в этом есть доля истины... да, забыл сказать вам про снег... пошел снег... не такой уж густой, но все же... рельсов почти не видно... и еще я забыл про чаек!.. они от нас все не отставали... еще бы, целых четыре вагона рыбы!.. кувыркались в воздухе, парили, садились к нам на крышу... а что Просейдон?.. он молчит и размышляет... мы уже близко... еще одна... две... ну три станции... скоро будем на месте!.. вот, кажется, уже и дома... снег мешает... поезд замедляет ход... если можно так выразиться... потихоньку, метр за метром... чухх! чухх! да, остановка, это Моосбург... вот мы и на вокзале!..

– Фердина! Фердина!

Это Ля Вига!.. Лили сразу же его спрашивает, ее интересует только одно!

– Ну, как Бебер?.. как Бебер?

– Он здесь!

Мы выходим... и Просейдон со своими подопечными... они помогают друг другу, подают руки... этим все равно, куда идти...

– Сюда, коллега! сюда!

Да это же голос Харраса! он не один, с Крахтом... оба одеты во полной выкладке и разукрашены, как хамелеоны...

здоровенные сапоги, гранаты с рукоятками, у Харраса вот такой маузер! я интересуюсь у него...

– А где же русские?

– Пока их нет!.. но они недалеко!

– Ну так привезите их сюда!

– Не стоит! они и сами прекрасно доберутся!..

По-прежнему шутит! но весьма любезен! он дает мне понять, что ждал нас... и даже успел оборудовать для нас уголок в зале ожидания, для нас четверых... для Лили, меня, Ля Виги и Просейдона...

– И куда мы поедем теперь?

– Сперва отдохните... может, хотите немного поспать?

– Да!.. да!.. немного...

– А поесть?

– Да!.. да!.. само собой...

– Сейчас будет рыба!

Наши два конвоира, кажется, даже не выходили из поезда и сразу уселись на наши места... они должны ехать в Берлин... без пищи, без сна... служба!.. служба!.. а потом назад тем же рыбным поездом... хотя, возможно, что уже все изменилось, и в Варнемюнде поезд больше не пойдет... потому что никакой рыбалки уже нет... запретили!.. Харрас осведомлен лучше, чем мы... кажется, англичане направили две большие барки к Сопоту... для установки бакенов?.. а может, мин?.. угроза вполне реальна! а что творится в воздухе! кстати, а об Oberarzt'e Хаупте? что он думает?.. о его при-

хватает?.. об этих испытаниях на лугу?.. жмуриках в качестве рабочей силы?.. Харрасу все это прекрасно известно...

– О, поймите, он делает все, что может!.. в подобных-то обстоятельствах! конечно, он сумасшедший, я с вами согласен... но кто бы еще взялся за такую работу?

На термометре минус 4...

– Не так уж и холодно... зато удобно, поезд с рыбой останется здесь, на перроне... вы сможете поехать на нем... завтра я вам все объясню...

Я бы предпочел, чтобы он объяснил мне все прямо сейчас... вот и опять этот зал ожидания, полный лежащих солдат, которые кажутся спящими... все немецкие вокзалы одинаковы, заполнены спящими солдатами... среди них есть и раненые... справа в углу приготовлено четыре котелка... суп с капустой... я вижу, что Ля Виге и греку уже не до того... они даже не притрагиваются к своим котелкам, а сразу же засыпают...

– Детуш!.. Детуш! хочу представить вам сестру Фелицию!..

У сестры Фелиции вид вполне довольный... она совсем не грустная... я бы даже сказал, веселая... и довольно молодая, лет тридцати...

– Орден Послушания!.. она ухаживает!.. за заразными больными... она была сестрой милосердия... ну помните, там, в нашем большом госпитале!.. сестра Фелиция!

– Понятно! понятно, Харрас!

Он представляет ее Просейдону... Просейдон вылезает из своей соломы... отвешивает низкий поклон... и просит его извинить...

– Сестра Фелиция!..

Харрас мне все объясняет: она только что прибыла из Берлина... напрямиком... в танке... для добровольной работы в лепрозории... она уже ухаживала за такими, даже за заразными... я вижу, они знакомы, обнимаются... странно видеть их такими веселыми... она уже десять лет работает сестрой милосердия... сперва стажировалась, ухаживала за больными католиками, а потом решила остаться... выгонять ее не стали... в общем, уезжать она не собирается... вокруг было много таких сестер, как она, из всех стран мира... это были «сестры»... и «матушки»... они не интересовались последними известиями и занимались ранеными, подбирали их на полях сражений... а сестра Фелиция занималась исключительно заразными больными... прокаженных собрали в одну группу, и теперь все они были в ее распоряжении... человек десять... пятнадцать... должны были прибыть еще и другие... те, что пока остались в лагерях... мне кажется... идея создать лепрозории принадлежала министру Конти⁴⁰... сестра Фелиция была прекрасно экипирована: солдатские башмаки, сумка через плечо, а в ней черный хлеб... прокажен-

---

⁴⁰ Леонардо Конти – государственный секретарь Министерства Здравоохранения, которое в нацистском правительстве подчинялось Министерству Внутренних Дел. Покончил с собой в октябре 1945 г.

ным действительно требовался уход... им нужно было сменить повязки... она бы с радостью, но у нас не было ни бинтов, ни ваты... да нет же! нет! оказывается, все есть! у Харраса на втором этаже, в кабинете начальника вокзала полно перевязочного материала... никаких проблем... Крахт сейчас все принесет...

– Ja! ja! ja!

Однако сестра Фелиция не готова заняться этим прямо сейчас... прежде всего ей бы хотелось привести в порядок свой чепец!.. Харрас, оказывается, и об этом подумал! на втором этаже! уют, доска, дрова для печки... она может там уединиться... начальника вокзала и стрелочника забрали на восточный фронт... я заметил, что Харрас уже больше не смеялся своим самодовольным смехом... никаких «ооаах»! нельзя сказать, чтобы он погрустнел, просто не смеялся... мне о многом нужно было его расспросить... я хотел бы с ним поговорить... мы все сидели на соломе и ждали... а потом легли... мы ждали сестру Фелицию... насколько я понимаю...

* * *

И вот я снова слышу поезд... чухх! чухх!.. он замедляет ход, потом останавливается... еще один поезд с рыбой?.. вероятно... оттуда высаживается целый отряд... стук сапог, звяканье оружия... и отрывистые хриплые немецкие коман-

ды, распоряжения... мне все ясно!.. вроде бы, они собираются у вокзала?... так и есть... из зала ожидания, где лежат люди, тоже доносятся звуки... храп, причитания, стоны... среди тех, кто там лежит, вероятно, есть и такие, кому совсем плохо... конечно, это не нищенский метод, как в Ростове, не отбор холодом, но в результате все сводилось к тому же... наверняка, каждые три-четыре дня здесь проводился обход... проверяли всех, кто валяется на вокзале... окоченевших, вероятно, забирали... и сваливали в могилы... многие умирают в дороге от потери крови и гангрены... еще бы, ведь от одного фронта до другого путь неблизкий... дни и ночи на соломе, ни санитарок, ни перевязок... а мы тем временем продолжали отдыхать... Ля Вига, я, Лили... само собой, мы не спали, куда там!.. но хотя бы покой... куча соломы!.. о! нельзя сказать, чтобы мы чувствовали себя в безопасности!.. Бебер в своей сумочке, и тот был начеку, даже не мурлыкал... иногда и в жутком шуме удается кое-что расслышать!.. распознать приближение своих... а вот, кстати, я слышу тех двоих... Харрас... Крахт... их шаги снаружи... они ищут нас... да! это точно они!.. перешагивают через тела... Харрас меня заметил... и освещает своим фонариком...

– Детуш!.. Детуш!.. послушайте! для вас это очень важно!.. для всех вас... очень!.. чрезвычайно!..

Я вылезаю из соломы, Ля Вига, и Лили тоже...

– Я позволил себе... мадам, вы меня простите... но для

вас это очень важно...

Ладно, мы слушаем... он возбужденно шепчет...

– Французское правительство оставило Виши...

– И что же?

– Оно эмигрирует в Зигмаринген...

Однако пусть он нам все объяснит... Зигмаринген? это в Германии?.. да! да!.. именно!.. на самом юге!.. на швейцарской границе!..

Я вижу, как лицо Ля Виги меняет цвет... только что он был мертвенно бледным, настоящий мертвец, и вдруг стал пурпурно-красным...

– Ах Фердина!.. Фердина! это же спасение!

Воскликает он...

– Не спеши, Ля Вига! поживем – увидим!..

– Так поехали! когда?

Ля Вига уже не может сдержаться!

– Слушай, мы возвращаемся! во Францию!

Однако я не очень хорошо его вижу, я ведь все еще лежу, а он стоит... в зале темно... правда, я все слышу... Крахт и Харрас продолжают светить своими фонариками... а он подпрыгивает, буквально скачет от радости на одном месте... перескакивая через тела... то туда... то сюда... ему кажется, что кошмар закончился... он уже видит себя в Швейцарии... а может, и дома, на Монмартре...

Я стараюсь привести его в чувство...

– Ля Вига, дружище, это ведь еще не конец! послушай

доктора Харраса!.. и не ори так! ведь здесь на этих подстилках полно шпиков! они всюду! ты что, этого не понимаешь?..

Харрас меня прерывает... он достает из кармана печать...

– Ну ладно!.. взгляните-ка сюда!

Мы смотрим... это уже не Reichsgesund...

– Военный приказ, касающийся Зигмарингена!.. это уже гораздо серьезнее! не так ли?

На мой взгляд, радоваться тут особо нечему... он пытается все нам разъяснить... хуже всего придется в Берлине...

– Вы знаете, там ситуация критическая... все сгрудились на вокзале... и не только беженцы... солдаты тоже... настоящее столпотворение!.. все хотят в Ульм, на юг... вы знаете этот вокзал Anhalt?..

Да, разумеется!.. наш рыбный поезд остановится, не доезжая до Берлина... мы выйдем... и пойдем до Anhalt'a в сопровождении наших двух конвоиров, они дорогу найдут...

– Хорошо!.. ладно!

Ну теперь все, пора действовать!

Я передаю ему наши бумаги, Ля Вига тоже... волшебной печати Reichsbevoll уже недостаточно, необходима еще и печать О. К. W... Oberkommando der Wehrmacht... Верховное Военное Командование... Харрас приписывает сверху своей рукой: Wehrmacht befehl⁴¹!.. Зигмаринген... думаю, с этим у нас теперь все в порядке... но вот билеты!.. неужели опять бесплатно?

---

⁴¹ Приказ Вермахта (нем.)

– Вы заплатите позже! потом!

Сколько долгов у нас уже накопилось! и действительно, скоро мне стало ясно... чуть позже! что это еще далеко не конец!..

А пока что нужно было покончить с нашими бумагами... вот они! я запихиваю их себе в карман... вместе с визой Ля Виги, он не против... но это еще не все! осталась еще одна формальность!.. ему нужно предупредить Берлин... А. А... и Канцелярию... а ведь все линии оборваны... и подземные... и воздушные... конечно, их должны восстановить... само собой... а пока невозможно понять, кто есть кто... арестовали уже сотню подозрительных лиц... их число может перевалить и за тысячу!.. правда, технические службы Wehrmacht'a изобрели новейшую систему «VELO-МАГНИТНОЙ СВЯЗИ», так что ускользнуть никому не удастся... ну-ка, посмотрим... сейчас мы все увидим... я не верю своим глазам... наверху, на подставке, велосипед Крахта!.. его невозможно не узнать!.. Крахт ведь обожает велосипедный спорт!.. но теперь его велосипед припаян к подставке, намертво закреплен на одном месте... а заднее движущее колесо приводным ремнем соединено с двигателем... Крахт залезает в седло и крутит педали!.. крутит педали!.. кажется, до меня доходит... он производит электричество... черт побери, да он еще поднажал!.. длинная антенна, установленная в передней части подставки, будет передавать! и также принимать!.. антенна с двумя концами... Харрас нам все объяс-

няет... главное только, чтобы Крахт не сбавлял обороты!

– Noch! noch!.. еще!

Харрас пытается связаться с Берлином... передает... он показывает мне свой аппарат... совсем крошечный... умещается у него в ладони... так, а теперь Берлин должен ему ответить... на Харрасе шлем... он вслушивается... вот!.. есть!.. довольно быстро!..

– Сейчас я предупрежу их, что вы приедете... это необходимо!

Ничего не имею против!.. та... та... ти!

Вижу, ему знакомо ремесло телеграфиста, а вот тому, что сидит на своем велосипеде, явно не до смеха...

– Noch!.. noch!.. Крахт!.. еще!

Крахт выкладывается на всю катушку... все-таки, речь идет о двигателе! нельзя делать перерывов!.. нельзя останавливаться!.. чтобы антенна не заикалась!.. стоп!.. передача закончена!.. так, быстрее!.. теперь нужно принять! самое ответственное – это прием!.. теперь Крахт должен крутить педали в обратную сторону... черт побери!.. вот так!.. к счастью, Крахт хорошо натренирован...

– Gut! Крахт! Gut!..

И действительно, антенна начинает потрескивать... вот, теперь Харрас слышит... слышит Берлин... слышит Канцелярию...

– Детуш, все в порядке! они все поняли!.. ja!.. ja!.. вы можете ехать!.. так, еще минутку!.. noch! noch Kracht! Stettin!..

теперь мне нужно предупредить Штеттин! поставить их в известность!..

Да, точно!.. о нашем греческом коллеге, прокаженных и сестре милосердия... а я о них и забыл!.. двенадцать открытых язвами больных... даже пятнадцать... целые сани... двое саней... Штеттин не отвечает!.. хоть Крахт старается изо всех сил! э, ну и ладно!.. они не потеряются!.. в Штеттин ведет только одна дорога... она в прекрасном состоянии, за ней постоянно ухаживают... поддерживают порядок... сам видел... через каждый километр – снегоочистители... основной поток беженцев, штатских, военных, движется именно по этой дороге «Штеттин-Берлин»... и еще по дороге «Моосбург-Балтика»... Харрас рассказывает мне про маленьких татарских лошадок, предназначенных специально для саней... они уже запряжены и стоят там... все такие мохнатые, с бородками... по правде говоря, они больше похожи на пони для детей, чем на лошадей для работы в упряжке на Крайнем Севере... в снегах... они прибыли из Штеттина и туда же возвращаются... неплохо справляются!.. Харрас больше не вызывает... Штеттин ему не отвечает... к тому же, и силы Крахта тоже на исходе... он уже высунул язык... и наша антенна больше не потрескивает...

– Noch! noch!

Напрасно Харрас его подгоняет...

– Nun! nun! lasse! достаточно!

Крахт слезает с седла... и ложится прямо в снег... на бок,

он явно выдохся... а ведь он всегда так любил кататься на велосипеде!.. мы уходим... надо проведать остальных... они уже готовы к отправке... сестра сменила все повязки... ни одной обнаженной культи, все покрыто корпией, бинтами и ватой... они закутаны с головы до ног, как будто переоделись в туарегов... а уж как довольны!.. радуются от предвкушения путешествия в санях... и оттого, что их сестра снова с ними... они поедут не торопясь... до Штеттина ехать дней пять... их будет сопровождать обозный солдат... в каждые сани запряжено по две лошади... обозный солдат пойдет пешком, он вооружен, у него гранаты и карабин... вижу, это серьезно... думаю, в пути им придется поменять лошадей... а там, в Штеттине, состоится передача... в лепрозорий... он не в самом городе, а в деревне... судя по всему, нашего Просейдона это не особенно вдохновляет... правда он не протестует, но предпочел бы остаться с нами... он целых десять лет ездил в санях, так что привык к ним... как и прокаженные... но он бы с удовольствием поехал с нами, все равно куда, только бы на юг!.. однако ему предписано отправляться в Штеттин!.. он не протестует, но явно недоволен... это выражается в том, что он ведет себя более сдержанно, чем обычно... он выстраивает всех прокаженных в ряд и ведет их к саням, рассаживает там вместе с сестрой милосердия... вот все уже и сидят... он говорит нам: прощайте!.. мы отвечаем ему: до свиданья!.. до свиданья!.. сани скользят... сдвигаются с места... ну вот!.. они уже на дороге... им предстоит че-

тыре дня пути... никто нам не машет... ни прокаженные, ни сестра милосердия, ни Просейдон...

И действительно, мы никогда больше их не видели и ничего о них не слышали... так же, как и об этом лепрозории... и о Штеттине... я много раз наводил справки... тут... там... у людей, которые много путешествовали... кажется, многие города и деревни изменили названия... и там больше никто не живет... неплохо бы, конечно, туда съездить самому... посмотреть... но вряд ли это возможно!

Ну а мы втроем, Лили, я, Ля Вига, и наш котяра опять садимся в этот «рыбный поезд»... в то же самое купе... наши два вояки даже с места не сдвинулись, ждут нас... ну вот... Харрас еще раз нам все объясняет...

– Там вам придется идти пешком, это примерно полчаса, от депо до вокзала Anhalt... вас проводят эти солдаты...

– Великолепно, дорогой Харрас!.. с богом!.. и heil Hitler!..

Мы жмем друг другу руки... и довольно сильно... он обнимает Лили... обнимает Бебера... ну вот!.. понятно, что на душе у нас беспокойно... каждый чувствует, что мы не скоро увидимся снова... а Крахт все валяется на снегу, пытается отдышаться... втягивает воздух... и смотрит на нас...

– До свиданья, Крахт!

– Heil! heil! Doktor!

Он тоже неплохой парень... стукач, конечно... но иначе нельзя!.. с ним нам тоже тяжело расставаться... что с ним будет дальше?.. это не трудно предположить...

А наш «рыбный поезд» уже отправляется... наконец-то!.. чухх! чухх! трогается... в путь! мы еще раз прощаемся с Харрасом... и Крахтом!.. вот и все... я их так больше никогда и не видел... ни Просейдона, ни сестру, ни того нищенца из Ростока... и результаты его экспериментов по естественному отбору остались мне неизвестны... это сейчас люди могут вообще не расставаться, до Нью-Йорка на сверхзвуковом лайнере можно добраться всего за три часа, и плевать они хотели на доброго боженьку, а вот когда вам приходится так беспорядочно путешествовать, вы должны быть крайне осторожны, так как рискуете в любую секунду потерять людей навсегда, и удивительно уже одно то, что я о них все еще помню, хотя доказать вам, что все эти персонажи были реальными и живыми людьми, мне теперь крайне тяжело, так что имейте хоть капельку сострадания к бедному хроникеру!..

Поезд нас увозит... сначала он идет очень медленно... потом вдруг резко тормозит... но все равно такой способ передвижения не так уж и плох... я вижу, как убирают кучи булыжников... а мы удобно устроились и сидим себе... нам есть, о чем подумать... теперь с нами нет ни Харраса, ни Крахта... придется выпутываться самим... а два наши солдата и ухом не ведут... посмотрим, что будет по прибытии... на ту станцию возле Берлина... в воздухе кружит несколько самолетов... но мы их совсем не интересуем... мы продолжаем свой путь... без остановок... вот уже и какие-то зда-

ния... это вокзал или депо? солдаты с нами не разговаривают... ясное дело, у них ведь приказ... а вот с Харрасом они говорили... мы едем уже три часа... поезд иногда начинает свистеть... может, он делает так на каждой станции?... а, наконец-то!.. какая-то платформа... должно быть, приехали... старший из двух фрицев делает нам знак... да!.. да!.. ладно!.. мы выходим... идем по тропинке вдоль путей... гуськом... мы пока не устали, но все-таки, далеко ли еще этот вокзал Anhalt?... я уточняю... «ach, nein! nein!»... и действительно... вот и домишки, какой-то пригород... причем этот пригород довольно сильно разрушен... настоящая каша... дымящаяся... из каждых трех домов два разрушены... наверное, они уже к такому привыкли: два дома из трех... а мы идем себе гуськом вперед!.. ну вот, кажется, мы подходим... да, я узнаю... вокзал Anhalt... все перроны вымощены маленькими квадратиками!.. вот только железная арматура покорежена гораздо сильнее, чем в прошлый раз⁴²... я имею в виду огромный свод из стекла и железа наверху... оттуда постоянно что-то валится... бум!.. бом!.. без остановки... настоящий дождь из осколков стекла... падает на перрон и на людей... на поезда рикошетом летят осколки... а сколько здесь народу!.. вот мы уже и на перроне... экспресс на юг весь забит... совсем как тот, на Росток... хотя это поезд с настоящими вагонами, большими и вместительными... внутри стоя

---

⁴² Селин имеет в виду свое прибытие на вокзал «Берлин-Анхальт», описанное им в романе «Север».

сгрудились люди, они так же стиснуты, как и в том... о том, чтобы как-то туда влезть, втиснуться, не может быть и речи, хотя мы довольно-таки худые и пронырливые... мы исследуем этот поезд со всех сторон... вот, похоже, один вагон, не такой забитый... можно попробовать... но оказывается, не только мы, а уже целая толпа жаждет знать... не найдется ли там случайно одного местечка?.. или двух?.. военные в касках и беретах, женщины, дети... нет!.. нету!.. нету!.. и вдруг все начинают выражать недовольство!.. поднимается крик!.. а самые наглые пытаются залезть внутрь... я вижу, как обезумевшие feldgrau⁴³... мечутся от одной двери к другой, из конца в конец коридора... пытаются сбросить их с окон... уговаривают... приказывают... но куда там! они объясняют, что это специальный вагон, sonderzug Wehrmacht, демонстрируют свои петлицы... там орел... и еще флажок... ну а в ответ!.. на них сыплется град оскорблений!.. и ужасных угроз! подумаешь, какая-то табличка О. К. W.!.. ее вообще срывают с вагона и куда-то уносят... естественно, такое не могло долго продолжаться...

Тррах!.. дзиннг!.. как будто взрыв!.. одно из самых больших стекол вагона разлетается вдребезги!.. осколки – на мостовую!.. а потом еще одно!.. и еще!.. и наконец – стекло двери в конце вагона!.. они уже открывают двери, у них есть отмычка!.. вопившие на платформе уже берут вагон штурмом!.. я много слышал про беспорядки в Германии, но все

---

⁴³ защитный (цвет обмундирования) (нем.)

это чепуха, потому что это надо видеть... а вот мы там присутствовали, и нам было не до смеха... я многое повидал, но мне никогда не забыть немцев, охваченных яростью и жаждой разрушения... озлобленные люди со своими ребятишками и младенцами на руках бросаются на приступ sleeping Wehrmacht... тут же набиваются в купе! повсюду царит полная неразбериха... здесь и офицеры в пижамах, и солдаты, и младенцы, и мамы... вцепившиеся мертвой хваткой!.. весь коридор забит ими! кушетки уже заняты!.. папаши карабкаются вслед за мамами и тоже протискиваются... скоро давка здесь будет больше, чем в том поезде в Росток... теперь полезли старики и старухи... что у них за язык? местное наречие?.. кто-то мне объясняет... это финны... они собирались ехать в Цорнхоф, именно их мы тогда и ждали⁴⁴! но они больше туда не собираются!.. и Берлин их не интересует!.. они хотят ехать на юг!.. а это первый поезд!.. поезд на Ульм!.. именно так!.. они уже давно его ждут и хотят ехать!.. но здесь не только финны, еще и латыши, и эстонцы... и датчане из Frit-Korps⁴⁵... с последними мне еще довелось встретиться, но позже, гораздо позже... а пока что я описываю вам бардак, царивший на вокзале Anhalt... все хотят только одного: занять кушетки, вытряхнуть отсюда всех командиров, выгнать офицеров голыми на улицу, а их форму и оружие вы-

---

⁴⁴ Селин пишет об этом в романе «Север».

⁴⁵ Frikorps – датский аналог L.F.V. (Легион Французских Добровольцев), бойцов которого Селин потом встретил в тюрьме в Копенгагене.

кинуть наружу через дверь!.. и сапоги тоже! это как спорт!.. все летит! выкидывается! как можно дальше! и отовсюду доносится ругань!.. из каждого купе! и угрозы... разъяренные дамы сражаются с офицерами, выбивают стекла, а офицеры вынуждены ретироваться прямо так, в пижамах, бежать за своими штанами... в самом большом центральном купе расположился лысый толстяк в халате и с моноклем... дверь в его купе взломали... туда втиснулись сразу пятнадцать человек, которые и устроились на его диванах и двух кроватях... остальные вопят в коридоре... лысый толстяк сопротивляется, но ничего не может сделать... его форма летит через окно... шинель, сапоги... и фуражка... детишки хватают ее, начинают примерять... а потом рвут на части... шпана с платформы... то же самое они делают и с его формой, и в частности, с увешанным наградами мундиром... да там еще и сабля!.. кто же это?.. какой-то немец мне объясняет... это даже не генерал!.. маршал!.. и кто такой? фон Лубб!.. это имя мне ничего не говорит... но ему нужно в Ульм... а этот вагон, да и поезд тоже, направляются в Ульм... как и вся толпа на вокзале, черт бы его побрал! в этом вагоне теперь хуже всего, коридор усеян осколками стекла... как и платформы... ничего не поделаешь... и люди обозлены гораздо больше, чем те, что были тогда в метро⁴⁶... под ногами валяются осколки стекла!.. а сверху с гигантского свода на голову сыплются куски железа... маршал хочет уйти, пытается выбрать-

---

⁴⁶ Селин намекает на эпизод из романа «Север».

ся из коридора... да хрен тебе! женщины не желают его пропускать!.. им нужны его тапки!.. он сопротивляется! «ach, pein!.. pein!..» тогда они силой стаскивают с него тапки... а теперь пусть идет! босиком!.. все его офицеры уже разбежались, причем в тапочках... заметив маршала, они бросаются ему на помощь... сейчас они его понесут!.. вот они его поднимают... а что творится в поезде, какой хохот!.. маршал на щите... его несут вдоль поезда... heil! heil! кричат ему!.. фон Лубб!.. фон Лубб!.. schwein! schwein⁴⁷! но самое интересное, что он вполне вежливо им отвечает... schwein!.. schwein!.. пассажиры устроили ему настоящую овацию... свинья!.. а он приветливо машет им руками... кивает головой... наверное, он глухой... его несут человек десять... вот так, на щите... уносят дальше!.. еще дальше, за паровоз... там один... два... три огромных тендера... это вам не какой-нибудь пригородный «челнок»... а настоящий здоровенный состав... и локомотив у него прямо как завод! пыхающий, чухающий... испускающий едкий дым и клубы пара... к нему страшно приближаться, но офицеры-носильщики не боятся, их уже двадцать... фон Лубб на щите... просто триумфальное шествие... они передают ему флажок и табличку с их вагона... О. К. W... Верховное Командование Вермахта... механик что-то вопит... обращаясь к ним... я все понимаю:

– Ладно! залезайте!..

Должно быть ему известно, кто они такие... и что их вы-

---

⁴⁷ свинья (нем.)

ставили из купе...

Теперь уже они бросаются на приступ!.. первого тендера! по-прежнему с маршалом на щите! вперед сквозь выхлопы и клубы пара... пшшшт! готово! они карабкаются... вот они уже и влезли!.. прямо на уголь!.. все!.. не так уж и плохо... ну а мы-то чего рот раскрыли? поворачиваем и бегом! в наш вагон!.. представляю, что там сейчас творится... но может, драка, которую там развязали, уже закончилась?.. они же сражались, главным образом, ради детей... думаю, и нам следовало сказать, что Бебер – это наш младенец... его ведь не видно в сумке, где он спрятан... да!.. да!.. именно так мы и сделали... Лили его укачивает... женщины у дверцы отказываются ее пропустить... они-то уже устроились!.. да, но Лили ведь акробатка... тут уж ничего не скажешь... она подтягивается на руках! и через окно! там нет стекла, одни осколки... хоп! она уже там!.. я передаю ей Бебера в сумке... а вот мне будет сложнее... к счастью, тут наши два молчаливые конвоира замечают нас и сразу же подскакивают... хватают меня за ноги и оп!.. вот я и на месте!.. теперь очередь Ля Виги!.. нам остается только протиснуться среди этих пассажиров, литовцев... на ногах или на четвереньках... а может, это боснийцы? даже не знаю... мужчины, старушки... с ума сойти... всюду полно младенцев, полные сетки!.. а какое вокруг верещание... чмоканье! сюсюканье!.. клинк! локомотив дернулся!.. и весь состав тоже!.. мы тронулись... в хвосте есть еще один локомотив, не только спереди... тот,

что плюется прямо на платформы... я сам видел...

– Ну вот, Ля Вига, все прекрасно, мы уезжаем!..

И в самом деле, поехали... правда совсем медленно...

– Понимаешь, Ля Вига, дошло до тебя наконец?

Я не слышу ответа...

– К тому же, с нами едет маршал...

– Да уж, конечно, так мы и поверили! он такой же маршал, как и я!

Так ему кажется...

– Знаешь, а ведь от Ростока до Ульма путь неблизкий!

– Ульм? Ульм? ты что, веришь, что этот Ульм действительно существует?

По правде говоря, мы уже вообще ни во что не верили.

* * *

Но верили мы во что-нибудь или нет, а поезд тронулся... причем довольно мягко... чуххх!.. чуххх!.. кажется, локомотив в голове поезда более нервный, чем тот, что толкает нас сзади... вагоны катятся вперед... а внутри – мы втроем и Бебер в окружении прибалтийских женщин и их сопляков... наверное, они уже обратили на нас внимание... но все-таки, мы влезли, черт побери! в эту кашу из задов, грудей, рук и волос... нас так сдавило, так стиснуло, что никому уже не под силу вытолкнуть нас наружу... у меня на шее примерно три ляжки... а на голове... чья-то нога... просто удивитель-

но, как этот вагон выдерживал подобные нагрузки, казалось, что он вот-вот треснет, развалится на куски, покатится под откос... нас ужасно трясет... и нет никакой возможности посмотреть, в чем там дело... в рельсах, колесах или в путях... хотя, надо сказать, этот поезд все же не так раскачивается и трясется, как поезд с Балтики... вот там-то мы определенно оттянулись по полной программе!.. этом составе с прокаженными и рыбой... где-то он теперь?..

Впрочем, довольно воспоминаний!.. лучше оглядимся по сторонам!.. женщины переговариваются между собой... да уж, действительно, странные обороты... вот в таком языке, по-моему, вообще понять ничего невозможно... даже самые простые слова, с которыми матери обращаются к своим ребятишкам... ни фига!.. о, но думаю, если бы наше путешествие продлилось чуть дольше, я бы все это быстренько усвоил... хорошие способности к языкам? да этим может похвастаться любой портье в отеле... или даже питон... ведь идиома подобна куску мяса... сперва вы мнетесь, не зная, что с ним делать... и worzt! заглываете! с удовольствием!.. одним махом!.. ну да ладно... а тем временем поезд все едет, движется вперед, а мы, как я уже сказал, стиснуты внутри... поезд же все едет... точнее даже скачет по рельсам... трах!.. и снова опускается на рельсы, обретает равновесие и катится дальше... вот здесь я хотел бы немного отвлечься, сделать небольшое отступление... я заметил, что вот уже скоро тридцать лет, как, где бы я ни появился, будь то в охвачен-

ных пожарами городах, а мы немало их повидали, полустогоревших или полностью превратившихся в пепел и развалины, от Констанца, что почти в Швейцарии, до Фленсбурга, там, вверху, и даже во Франции, скажем, в Курбвуа, в пассаже Шуазель или на улице Лепик⁴⁸, всюду и всегда у меня такое ощущение, что лучше бы мне вообще не родиться на этот свет... и даже здесь в Медоне, где я веду себя, можно сказать, невероятно скромно, демонстрируя просто неслыханную предупредительность и услужливость, мне все равно постоянно дают понять, что обо мне не забыли... сначала под барабанный бой составляются петиции под барабанный бой, потом барабанный бой начинает звучать все сильнее, и наконец все, о чем раньше только шептались, доносится из граммофонов и громкоговорителей, и уже ни у кого не остается сомнений в том, что я из себя на самом деле представляю... я в десять ужаснее, чем Петьо... гипер-Ландрю... супер-Бугра⁴⁹, предатель, постоянно меняющий свои обличья, порнограф, у которого аж сто членов... о, я ко всему это-

---

⁴⁸ Селин часто упоминает в своих романах эти три места: Курбвуа – парижский пригород, где он родился; пассаж Шуазель – место, где прошло его детство; на улице Лепик на Монмартре он жил с 1931 по 1938 год.

⁴⁹ Селин часто упоминает в своих романах эти три имени. Доктор Бугра был обвинен в убийстве в 1925 году после того, как у него в шкафу обнаружили труп. Был приговорен к пожизненной каторге и отправлен в Гвиану, откуда почти сразу бежал в Венесуэлу, где бесплатно лечил бедняков до самой смерти в 1961 году. Дело Ландрю привлекло к себе внимание французской общественности между 1919 и 1921 гг. Ландрю был обвинен в том, что убивал женщин, с которыми знакомился по объявлениям в газетах. Его казнили 25 февраля 1922 года.

му уже привык!.. невероятно, но факт: и в Копенгагене, и на Монмартре, и в Цорнхофе в Пруссии со мной происходит одно и то же... то же самое будет и в Гонолулу... и у меня еще хватает наглости жаловаться! а те несчастные, что вынуждены со мной общаться! да им памятники при жизни надо ставить: quos vult perdere⁵⁰! (читайте дамские романы.)

Но к делу! я отвлекся и забыл про наш поезд!.. мы были в нем настолько сдавлены, стиснуты, спрессованы, сжаты... что постепенно, мне кажется, из нас выдавили абсолютно все жидкости: мочу, пот и кровь... а вагон все скакал по рельсам, и думаю, он бы с удовольствием перевернулся и вывалил нас на какой-нибудь развилке... но как это ни странно, пока что мы продвигались вперед... в просвет между чьими-то бедрами и затылками я вижу, как мы проезжаем луга, рощи и какую-то ферму... даже две... о, да там резвятся ребятишки!..

Ульм – это конечная станция!.. кажется, мы должны проехать Лейпциг... хотя я не уверен... увидим... а вдруг вообще все это сплошное вранье? и они просто возьмут и высадят нас на каком-нибудь лугу?... в Ростоке репетиция ведь уже состоялась... хотя мы по природе своей довольно выносливы, и мы не раз уже это доказали... во всяком случае, мне так кажется... я делюсь своими соображениями на этот счет с Лили и Ля Вигой... они совершенно со мной согласны... наконец-то нам удалось выпрямиться и встать, потеснив осталь-

---

⁵⁰ Намек на латинское изречение: Quos deus perdere vult, dementat prius – Кого бог хочет погубить, того прежде всего лишает разума.

ных... думаю, это исключительно благодаря тряске... вот уже целых два часа мы наблюдаем за мелькающими за окном деревьями... однако мы всем довольны и ни на что не жалуемся, как другие... мы и наш кот вообще крайне неприхотливы... возможно, мы, в отличие от остальных, просто ко всему привыкли, потому что нас все постоянно третируют, отовсюду гонят и дергают то туда, то сюда... о, неужели... я оказался прав... вот и перрон... и надпись: ЛЕЙПЦИГ... большими красными буквами... отлично!.. поезд замедляет ход... да! это остановка!.. тут есть и другие объявления... «выходить из поезда запрещено»... Verboten!.. вдоль платформы стоят жандармы... вижу, нас уже ждут... а вон и барышни с кувшинами... полными до краев... они выстраиваются в цепочку и передают нам их через окна... ведь стекло-то нет... и через проемы дверей тоже... это бульон!.. конечно, это вполне может оказаться какой-нибудь отравой, прокисшим пойлом... но кажется, это не так!.. остальные уже пьют... ладно! а где же кружки? нужны кружки... у них все предусмотрено!.. даже буханки хлеба... часть кувшинов предназначена для матерей с детьми... там молоко! молоко! milch! и рожки... есть и рожки... весь вагон присасывается к ним... матери сосут быстрее, чем младенцы... чмок! чмок! им даже соски не нужны... а вот и еще один кувшин!.. к нам подходят молоденькие девушки из «Красного креста»... эти тоже кое-что принесли, похлебку, варенье... чтобы эти несчастные прибалтийские матери с детишками прекратили

хныкать... весь вагон требует еще!.. milch!.. milch!.. но самое интересное, что никто и с места не сдвинулся... никто не пытается никуда выпрыгнуть... все соблюдают правила... Aussteigen verboten! Verboten!

Так, кажется, локомотивы опять запыхтели... точно!.. опять полетела сажа... и еще какая!.. густая... застилающая все вокруг... она сразу же окутала весь перрон вместе с барышнями из Rote Kreuz... и жандармами... мы втроем держимся за руки... поезд тронулся, но нам ничего не видно... в этой тряске нас вполне могли разъединить другие тела... эти тела что-то бормочут! здесь ведь еще и младенцы... ой!.. ой!.. папаши, дедушки!.. что у них за язык... а локомотиву на все плевать... мчится себе вперед... чухх! чухх!.. кажется, мы катимся под гору... мы отъехали уже довольно далеко... ну прямо настоящий «экспресс»... в просвет между чьими-то ногами мне видно какую-то насыпь... теперь сажки уже меньше, хотя глаза все равно щиплет... да! вон и деревья!.. и скалы... я вспомнил... Харрас же мне сказал: вы проедете под горами Эйфеля... должно быть, это они и есть!.. либо Эйфель, либо Таунус⁵¹... во всяком случае, мы едем вниз... а может, это другой массив?.. Гарц⁵²? но все-таки, мне кажется, что это Эйфель!.. или же Таунус!.. я вслушиваюсь в то, что говорят вокруг...

литовки говорят только по-немецки... а кто эти другие

---

⁵¹ Таунус – горный хребет на юге Рейнских сланцевых гор.

⁵² Гарц – горный массив в Германии.

женщины?.. латышки?.. финки? ладно, главное, чтобы этот поезд доехал... и чтобы нас не раздавило в туннеле... такое тоже вполне возможно... может, этого им и нужно?.. впрочем, от нас уже ничего не зависит... как и тогда, в поезде Росток-Берлин... к концу этого путешествия мы должны мумифицироваться и прокоптиться, ведь мы здесь набиты, как сельди в бочке... ну и что с того?.. какая разница!.. самое главное, что мы едем! так ведь?.. поезд теперь катится как будто сам собой... у меня такое впечатление... неожиданно вся эта махина как будто проваливается в пропасть, раздается ужасный грохот... пролетаем! один свод! другой! я чувствую удушье... и вдруг резко тормозим, раздается скрежет, поезд ползет вперед... рррриии-ии... потом назад... опять вперед... нас толкает то туда, то сюда... и вот опять!.. о, да это не просто толчки!.. сверху падают бомбы! на самом деле... один раз!.. другой! они бомбят! хвост нашего поезда... заднюю часть!.. к счастью, мы уже в туннеле... им не повезло!.. брум! еще раз тряхануло... неужели, попали по последним вагонам?.. наверное, следовало бы пойти к выходу!.. именно это и собирался сделать Ля Вига.

– Нет, малыш! нам придется слишком долго добираться!

Я пытаюсь его успокоить... Ля Вига собирается мне что-то ответить, но его прерывает ужасный удар... вокруг все черно, сажи здесь больше, чем воздуха... кажется, мы уже почти парим надо всеми этими семействами... одновременно на нас обрушится еще одна взрывная волна... с другого

конца туннеля... вот это номер! да они крушат туннель! собираются обрушить гору и своды!.. бомбы летят пачками... они решили все тут разворотить и добраться до нас, до нашего поезда! теперь мы сидим, съезжившись, прямо как крысы... при каждом ударе сверху, с воздуха, мы все больше спрессовываемся с этими людьми... можете себе представить, что происходит с вагонами, как они трясутся... весь состав дребезжит, раздается лязг цепей и звон остатков стекла, и все это сопровождается воплями... а вот и цепи лопаются, падают, скребут по гравию... вокруг периодически мелькают вспышки! так что можно рассмотреть свод... от одного конца туннеля до другого... у нас не просто искры из глаз сыплются, а целые снопы искр!.. каждая бомба буквально сотрясает поезд... толчки сверху!.. снизу! еще раз!.. тррах!.. ну прямо как на аттракционе в Луна-парке!.. однако это не смешно!.. какой-то железнодорожный аккордеон! ах, вот взорвалась одна мина! бррум! еще одна!.. они пытаются взорвать скалу! ту, что сверху, и добраться до самого туннеля!.. этого только не хватало... от таких сотрясений может покорежиться поезд... ну и удары... гидравлические... похоже на то... хотя на вид этот состав довольно прочный... впрочем, такое же впечатление производили и другие... все это продолжается уже два часа... матери стонут... задыхаются... выплевывая сажу и серу прямо на своих детишек... что там происходит сверху? а сбоку? мне ничего не видно, только слышно... все время раздается жуткий скрежет железа...

и еще бум! и трррах!.. вероятно, несколько головных вагонов уже разнесены вдребезги... все пассажиры выходят!.. раздаются приказы verboten! verboten! ну да, как же!.. да пошел ты!.. вокруг все уже делают ноги, никто никого не слушает!.. в нашем вагоне тоже царит паника... так!.. на четвереньки, и вперед по булыжникам, вдоль туннеля!.. на коленях... при каждом ударе с воздуха все сворачиваются в комки и катятся кувыркком под вагоны... даже в метро я такого никогда не видел... хотя несколько раз между «Римом» и «Сен-Лазаром»⁵³... меня и заставляли тревоги... и тогда в Берлине, на Tiergarten⁵⁴, тоже была разъяренная толпа... но все это не идет ни в какое сравнение с этим туннелем, забитым задыхавшейся ребятней и прибалтами... да еще в полной темноте... представляете? от одного конца туннеля к другому проносятся ураганные порывы, я не преувеличиваю, даже своды над нами трепетали... настоящий тайфун в туннеле... в конце концов, думаю, здесь все рухнуло... уверен... должно быть, так многие и закончили свою дни... в Гарце?.. или же в Таунусе?.. мне об этом рассказывали... но одних «рассказов» мне недостаточно... если я когда-нибудь закончу эту книгу, обещаю, специально съезжу туда, чтобы лично убедиться, удалось ли им сравнять с землей все эти горы... снести хребты, которые всегда так нравились туристам... засыпать все входы и выходы...

---

⁵³ Названия парижских станций метро.

⁵⁴ Селин описывает этот эпизод в берлинском метро в романе «Север».

Так вот, пока я тут с вами разглагольствую, вокруг меня на земле повсюду распластались люди, которые уже заполнили весь туннель, и больше никому не подчинялись... в туннеле бушевал ураган, летели куски металла, булыжники и раздавались взрывы... стоило только приподнять голову... бум! и черепушки как не бывало!

А ведь эти вагоны были целиком из металла, такие крепкие и надежные, но и они все равно тряслись, дергались, сжимались и стонали, как аккордеон... причем не только наш вагон, а весь состав, от начала до конца, от головного локомотива до последнего вагона... не понимаю, как он вообще держался, от такой тряски он бы должен был уже давно развалиться на части, этот поезд, и вывалить наружу все свое добро и людей... ан нет! налетит вихрь с какого-нибудь конца, и весь поезд вдруг бр... р... ранг! и снова выпрямился!.. а потом опять затрясся... в потоке сажи и серы... настоящие конвульсии!.. невероятно... казалось, что поезд катало по туннелю туда-сюда... что он скачет то вверх, то вниз, в такт ударам бомб!.. то взад, то вперед... тем не менее, я не сомневался, что это было только начало!.. ага, вот и еще!.. я вижу пламя... знакомая картина!.. желтое!.. это фосфор!.. неплохо!.. все ясно, эти бомбы... наполнены жидким фосфором!.. и фосфор разливается... честно говоря, я не представлял себе, как мы отсюда выберемся... каким образом?.. до мамочек, что ползали по булыжникам, наконец дошло, что их ползание ни к чему не приведет, лучше уж встать и

бежать... но куда?... через потоки пламени?... ну нет!.. лучше проползти под поездом на ту сторону!.. туда, где не было фосфора... к другой стенке... кажется, они хотят вернуться обратно в Лейпциг!.. и вопят об этом!.. какой-то старик мне переводит... в Лейпциге у них будет все!.. они сами видели, все!.. в Лейпциге есть все! молоко!.. бульон!.. похлебка! Rote Kreuz!.. Красный Крест! нужно вернуться туда!.. главное, выбраться из туннеля... и не садиться обратно в поезд... его все равно разбомбят, РАФ от него ничего не оставит! никто не спасется! у самого выхода из туннеля: брум! стоит только прислушаться! самолеты все тут испепелят! спасайся кто может! на булыжниках остаются лежать тела... это старики, и те, кто в обмороке... я не собираюсь уточнять, что с ними! а, вот и какой-то офицер!.. он тоже пробирается по булыжникам... между стеной и поездом... при свете фосфора... видно почти все от одного конца туннеля до другого... должно быть, это один из тех офицеров, которых выгнали в пижамах из вагона O. K. W... вместе с маршалом фон Луббом... он опять нацепил свои эполеты и витые шнуры, прикрепил их прямо к пижаме... он заметил меня и обращается ко мне по-французски... ему известно, кто мы такие, хотя вокруг темно, да и мы сами покрыты сажей... и, черт возьми, мы ведь ведем себя крайне скромно... даже наш кот Бебер в своей сумочке... но ему известно, откуда мы едем... Росток-Берлин... рыбный поезд... вся информация... кто... что... куда... откуда... подумать только, оказывается, даже во время

самых ужасных катаклизмов, о вас уже все всем известно, причем до таких мельчайших подробностей, что вам остается только рот раскрыть от изумления... люди приписывают вам все, что хотят, все выворачивают наизнанку, изображают вас так, как им заблагорассудится, и вам нигде от них не скрыться... даже здесь в этом туннеле, в этой фосфорной печи, под обстрелом шрапнели с обоих концов, в этой пылающей мясорубке, где вот-вот начнут плавиться рельсы и вагоны... ни нам троим с Бебером, ни этому нахальному офицеру... да и этому маршалу фон Луббу тоже!.. вместе со всеми прибалтийскими женщинами и младенцами... сплетни будут существовать всегда и везде! где бы вы ни очутились! неважно, где! хоть на оголенных пиках Эвереста или Невады... они всегда вас опережают! и все больше и больше обмусоливаются... в самом сердце Везувия происходит то же самое! в глубине скал, под мириатоннами лавы и потоков расплавленного железа!

Но довольно гипербол! теперь факты... возвращаемся в туннель! как я уже сказал, там была настоящая мясорубка для мамаш, детишек и стариков из уже не существующих прибалтийских, субпомеранских, лапландских и еще более экзотических стран... в это трудно поверить, но на нас действительно все косились с большим интересом, причем исключительно на нас троих... кто мы такие?.. откуда?.. любопытство... при том, что сами они прибыли черт знает откуда, а Франция для них вообще ничего не значила... они о такой

стране никогда даже не слышали... тем не менее, они задавали друг другу вопросы... продолжая ползти по рельсам... если вы всех так интересуете, то вас уже никогда не оставят в покое... даже в самых жутких туннелях... можете мне поверить... сплетням ничто не может помешать, никакие преграды... да и вы сможете узнать про себя и Бебера такое, что вам самим никогда бы даже в голову не пришло!.. возьмите хотя бы этого офицера, который к нам подошел... как он нашел нас во всей этой подземной неразберихе, откуда узнал наши имена?

– Доктор Детуш!.. это ведь вы, не так ли?.. а это ваш друг Ле Виган? и ваш кот Бебер? мое почтение, мадам!

Он говорит по-французски отрывисто, сухо, но четко...

– Разрешите представиться, мадам! честь имею!.. капитан Гофман, седьмой инженерный полк... штаб маршала... кстати, господа, вы случайно не видели маршала?.. ну, вы же знаете, он был на втором тендере?.. маршал фон Лубб!..

– Нет, капитан! нет!

– Черт знает, что творится, ничего не понять!.. он же был на самом верху, на куче угля... мы с офицерами и машинистами все перерыли... но его нигде нет... даже уголь проверили... а поезд нужно отправлять!.. эскадрильи скоро опять вернуться... нам известно... и на сей раз с запасами бомб... представьте себе... и тоже с фосфором... с жидким...

– О, конечно, капитан! вы правы!

– Этот туннель просто затопят...

– Совершенно верно.

– Поезд нужно отправлять!

Да, кстати...

– Капитан, мамыши отказываются возвращаться в поезд... боятся!

– Тем лучше! тем лучше!

Все, что угодно, только не этот поезд!.. они хотят вернуться в Лейпциг... по путям... по насыпи... по гравию!..

– Тем лучше!.. тем лучше!

– В Лейпциге им давали молоко! они боятся ехать в этом поезде! боятся ехать в Ульм!..

– Конечно! конечно!.. как им угодно! ну а мы уезжаем! у нас только десять минут... взгляните-ка на свои часы...

Он светит мне... своим фонариком... я делаю вид... что что-то вижу...

– Да, да, капитан!..

На моих часах нет ни стекла, ни стрелок...

– На насыпях уже путевые рабочие... через двадцать минут эскадрильи пополнят запасы бомб... и опять взлетят... а может, и раньше!..

Похоже, этот капитан Гофман не ошибается и знает, что говорит... плевать ему на всех этих мамаш и семейства, пусть себе отправляются обратно в Лейпциг... в Красный Крест за сосисками и бульоном!.. через двадцать минут сюда хлынет настоящий поток фосфора...

Я спрашиваю у него, который час, ведь мои часы сломаны!

– Без пяти шесть!

– Вечера или утра?

– Вечера!.. скоро сами увидите! будет светло!.. они всегда начинают с этого... знаете? с фейерверков!..

Знаем ли мы!.. да мы уже насмотрелись на эти фейерверки!.. на Монмартре!.. у Рено!.. в Безоне!.. в Берлине!.. розовые... зеленые... голубые... фейерверки! конец света тоже начнется с этих фейерверков! я говорю ему: «вот и дождались праздничка!» он согласен...

– А какая иллюминация! что за букеты!..

Да, этот капитан Гофман не такой уж и зануда, как я погляжу... и совсем не злой... отнюдь... а я-то подумал... мы часто относимся к людям с предубеждением! а как же маршал? его маршал? Лубб?.. он о нем больше не вспоминает... и в самом деле! может, он сбежал со своего тендера? вернулся в Лейпциг?.. и он тоже? один или вместе с прибалтами?.. позже узнаем... скоро поезд отправляется, так что лучше нам занять свои места... и что, опять в том же маршальском вагоне? надо спросить у него... у этого капитана должны быть полномочия... я думаю о женщинах, которые так стремятся обратно в Лейпциг... я-то обратил внимание, как нас там встретили... выходить запрещено, verboten!.. представляю, какой их там ждет прием! ладно! раз им так хочется, то пусть попытаются! и у нас тоже есть еще один шанс!.. поезд больше не трясется, не сходит с рельсов, хватит с нас этой эксцентрики... по местам!.. если нас куда-нибудь выго-

нят, перейдем... наш капитан инженерных войск, кажется, все еще ищет маршала... опрашивает семьи, те, что не сумели пролезть под поездом... и перейти на другой путь в туннеле... никто ничего не видел, все-таки, не стоит забывать, что они все время лежали носом вниз!.. ах, вот же вывеска от вагона... О. К. W... нашлась-таки!.. украшенная орлом... может, капитан прятал ее у себя на груди?.. нет!.. ее нашли на рельсах какие-то люди... капитан прикрепляет ее обратно к вагону... и о чем-то их спрашивает... те ему отвечают... но понять ничего невозможно... какое-то бормотание... кажется, по-русски... похоже... они по-прежнему лежат... капитан Гофман так и не нашел фон Лубба... но достаточно ли хорошо он искал?.. не уверен... то ли он все осматривает, то ли просто делает вид... а нас он не замечает... мы поднимаемся на одну ступеньку... на вторую... ну вот, мы уже и в коридоре... все купе усеяно осколками стекла... они гораздо более острые и опасные, чем булыжники... такое под силу только факирам!.. тем не менее, кое-как, похрустывая, я прохожу вперед!.. в салон маршала... он пуст... никого!.. ан нет! на середине дивана лежит закутанный младенец... младенцу не больше месяца... но он не кричит... какая-то мамаша положила его сюда... я подхожу... смотрю... младенец как младенец... и чувствует себя неплохо... не болен... крепкий малыш... и что же дальше? где капитан Гофман?.. я зову его... он сразу же подходит... он оказался тут, неподалеку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.